Свящ. Д. Лебедевъ.

ПРОФЕССОРЪ

Анатолій Алексѣевичъ Спасскій.

(Къ характеристикѣ его ученой дѣятельности, какъ историка древней церкви).

Цѣна 1 рубль.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1917.

ВБ
139

Свящ. Д. Лебедевъ.

ПРОФЕССОРЪ

Анатолій Алексѣевичъ Спасскій.

(Къ характеристикѣ его ученой дѣятельности, какъ историка древней церкви).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1916.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМ
15036

Профессоръ Анатолій Алексѣевичъ Спасскій.

(Къ характеристикѣ его ученой дѣятельности, какъ историка древней церкви).

Надъ церковно-исторической наукой въ нашемъ отечествѣ какъ будто тяготѣетъ какой-то рокъ: самые выдающіеся ея представители у насъ сходятъ со сцены преждевременно. 16 лѣтъ тому назадъ русская церковно-историческая наука понесла тяжелую и надолго незамѣнимую утрату въ лицѣ преждевременно—только 46-и лѣтъ отъ роду—скончавшагося профессора С-Петербургской (нынѣ Петроградской) Духовной Академіи В. В. Болотова († 5 апрѣля 1900 г.). Отъ этой потери наша наука не оправилась и до сихъ поръ и оправится не скоро. В. В. Болотовъ представлялъ собою такую ученую силу, какихъ не много встрѣчается и на западѣ. У насъ же онъ былъ прямо феноменомъ. — Теперь и наша Московская Духовная Академія понесла въ лицѣ, скончавшагося 8 августа текущаго 1916 года, профессора Анатолія Алексѣевича Спасскаго утрату, правда, не такую тяжелую, какъ та, какую понесла Петроградская Академія въ 1900 году, и не неожиданную, но почти столь же преждевременную и—говоря безотносительно—очень тяжелую. Покойный Анатолій Алексѣевичъ Спасскій не былъ ученымъ феноменальнымъ, но онъ былъ во всякомъ случаѣ ученымъ и высоко даровитымъ и весьма серьезнымъ. Умеръ онъ не 46-и, а 50-и лѣтъ отъ роду. Но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ тяжелая, неизлѣчимая болѣзнь лишила его возможности приносить любимой имъ наукѣ всю ту пользу, какую онъ приносилъ ей раньше. Фактически и его ученая дѣятельность продолжалась не дольше, чѣмъ дѣятельность В. В. Болотова, а

если принять во вниманіе, что каѳедру общей церковной исторіи въ нашей Академіи А. А. Спасскій занялъ не сразу по окончаніи академическаго курса, какъ В. В. Болотовъ, то даже и меньше [1]). Однако и за это сравнительно недолгое время (около 20-и лѣтъ) А. А. Спасскій сдѣлалъ для нашей церковно-исторической науки настолько много, что имя его никогда не исчезнетъ со страницъ исторіи этой науки въ Россіи, и нѣкоторые изъ его церковно-историческихъ трудовъ еще очень не скоро будутъ (или и никогда не будутъ) замѣнены другими, имъ равноправными.

Анатолій Алексѣевичъ Спасскій поступилъ въ Московскую Духовную Академію (въ 1886 году) изъ числа воспитанниковъ Вологодской Духовной Семинаріи, той самой семинаріи, изъ которой вышелъ и выдающійся современный представитель богословской науки, профессоръ Петроградской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскій, кандидатъ и магистръ, а потомъ и докторъ богословія нашей же Московской Духовной Академіи, окончившій въ ней курсъ только на 1 годъ раньше А. А. Спасскаго. Н. Н. Глубоковскій занимаетъ теперь въ Петроградской Духовной Академіи каѳедру Священнаго Писанія Новаго Завѣта (съ 1910 года—2-ю каѳедру). Но первоначальные интересы и его лежали къ исторіи древней церкви: степень кандидата и магистра и онъ получилъ за обширный и выдающійся, по общему признанію, 2-хъ-томный трудъ: „Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность“. Правленію Вологодской семинаріи средины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія безспорно дѣлаетъ честь, что изъ ея воспитанниковъ вышли одинъ за другимъ два выдающихся представителя церковно-исторической науки въ Московской Духовной Академіи. Не

[1]) В. В. Болотовъ занялъ въ С-Петербургской Академіи каѳедру древней церковной исторіи въ концѣ 1879 года и занималъ ее до самой смерти 5 апрѣля 1900 года. Только за нѣсколько дней до смерти болѣзнь заставила его прекратить чтеніе лекцій. Значитъ его дѣятельность, какъ профессора церковной исторіи, продолжалась больше 20-и лѣтъ. А. А. Спасскій началъ чтеніе лекцій по общей церковной исторіи въ мартѣ 1896 года и оставилъ каѳедру осенью 1915 года, слѣдовательно числился профессоромъ церковной исторіи меньше 20-и лѣтъ. Но изъ этихъ съ небольшимъ 19-и лѣтъ, въ послѣдній учебный годъ онъ уже не читалъ лекцій, а его самостоятельныя работы по церковной исторіи прекратились и еще раньше (еще въ 1913 году).

случайность и то обстоятельство, что оба они закончили свое образованіе именно въ Московской Духовной Академіи и темы для кандидатскихъ сочиненій взяли изъ области исторіи древней церкви. Значитъ было что-то, что̀ влекло тогда наиболѣе даровитыхъ студентовъ Вологодской семинаріи именно въ Московскую Духовную Академію и къ исторіи древней церкви. И не трудно угадать, что̀ именно привлекло ихъ и къ этой Академіи и къ этой наукѣ. Въ то время каѳедру общей церковной исторіи въ нашей Академіи занималъ покойный профессоръ Алексѣй Петровичъ Лебедевъ († 14 іюля 1908 года), и Н. Н. Глубоковскій и А. А. Спасскій были его учениками, подъ его руководствомъ писали свои кандидатскія сочиненія, обработанныя потомъ и на степень магистра. Но проф. А. П. Лебедевъ былъ первымъ въ Россіи историкомъ древней церкви — популяризаторомъ, первый сдѣлалъ эту науку достояніемъ не однихъ только избранныхъ лицъ, но и болѣе широкаго круга образованныхъ читателей. Не будучи вполнѣ оригинальнымъ историкомъ-изслѣдователемъ, но обладая огромной начитанностію въ иностранной церковно-исторической литературѣ и хорошимъ знакомствомъ и съ самыми первоисточниками церковной исторіи, А. П. Лебедевъ поставилъ себѣ задачею знакомить русскихъ читателей съ результатами, добытыми западной наукой, не отказываясь въ извѣстныхъ случаяхъ и отъ самостоятельныхъ поправокъ и дополненій къ нимъ. Его многочисленныя сочиненія, составленныя въ общемъ научно и въ тоже время популярно, написанныя хорошимъ литературнымъ языкомъ, производили очень пріятное впечатлѣніе на интересующихся богословскими наукамй читателей, въ томъ числѣ и готовившихся къ высшему образованію воспитанниковъ нашихъ семинарій. И нисколько не удивительно, если имя профессора А. П. Лебедева было особенно популярно въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ имѣлись и въ ученическихъ библіотекахъ коллекціи его трудовъ.

Значеніе А. П. Лебедева для русской церковно-исторической науки, быть можетъ, никѣмъ не описано лучше, чѣмъ самимъ же А. А. Спасскимъ въ его первой лекціи по церковной исторіи, прочитанной въ мартѣ 1896 года [1]). „Когда

[1]) *А. А. Спасскій*, Первая лекція по каѳедрѣ общей церковной исторіи, въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1903 г., февраль, стрр. 278—296.

А. П. двадцать пять лѣтъ тому назадъ", говоритъ здѣсь [1]) А. А. Спасскій, „вступалъ на учено-литературное поприще, церковно-историческая наука уже существовала; благодаря трудамъ Горскаго, она уже достаточно прочно была насаждена *внутри* нашей Академіи, но, закрытая стѣнами учебнаго заведенія, она еще робко ютилась въ этомъ своемъ питомникѣ и, если рѣшалась показываться на свѣтъ Божій, то не иначе, какъ въ видѣ руководства для благочестивыхъ разсужденій или въ видѣ сборника уроковъ благочестія. Наше общество и наша печать не знали объ этой наукѣ. Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка,—и мы видимъ совершенно иную картину. Церковная исторія не только вышла изъ стѣнъ нашихъ учебныхъ заведеній, не только сдѣлалась общественнымъ достояніемъ, но и пріобрѣла свою не широкую, правда, но за то солидную литературу, съумѣвъ вызвать похвалы даже у западныхъ ученыхъ, при помощи которыхъ она поднималась на ноги. Пустое мѣсто, остававшееся въ нашей богословской литературѣ, при вступленіи А. П. на каѳедру, наполнилось, и теперь русская церковно-историческая наука можетъ смотрѣть на себя самостоятельными глазами. Въ этомъ ростѣ нашей науки имя Лебедева занимаетъ *самое видное и почетное положеніе*. Цвѣтокъ, взлелѣянный Горскимъ въ тиши и при искусственныхъ условіяхъ учебнаго заведенія, онъ вынесъ наружу, на свѣжій воздухъ, и возрастилъ его въ цѣлое растеніе въ назиданіе всѣмъ желающимъ".

Къ тому времени, когда учились въ нашей Академіи Н. Н. Глубоковскій (1884—1889 гг.) и А. А. Спасскій (1886—1890 гг.), А. П. Лебедевъ имѣлъ уже опытъ и извѣстность и прекраснаго руководителя въ церковно-историческихъ работахъ, и потому нисколько не удивительно, что оба этихъ даровитыхъ вологодца рѣшили писать кандидатскія сочиненія именно подъ его руководствомъ, по исторіи древней церкви. — Большой почитатель иностранной науки А. П. Лебедевъ и самыя темы для кандидатскихъ сочиненій часто давалъ, слѣдуя указаніямъ иностранныхъ ученыхъ. Такого происхожденія и тѣ темы, на которыя писали свои кандидатскія сочиненія Н. Н. Глубоковскій и А. А. Спасскій. Объ

[1]) Стрр. 292—3.

онѣ указаны знаменитымъ теперь профессоромъ Адольфомъ Гарнаккомъ въ его только что вышедшемъ тогда 1-мъ изданіемъ „Учебникѣ исторіи догматовъ“ [1]). Но если тема о блаж. Ѳеодоритѣ кирскомъ, которую избралъ себѣ Н. Н. Глубоковскій, представляетъ интересъ главнымъ образомъ изъ-за личности Ѳеодорита, какъ самаго выдающагося и плодовитаго церковнаго писателя V-го вѣка, то тема, которая дана была А. П. Лебедевымъ для кандидатскаго сочиненія А. А. Спасскому, имѣетъ свой спеціальный, чисто научный интересъ. Ему предложена была тема объ Аполлинаріи лаодокійскомъ До сравнительно очень недавняго времени такая тема не представила бы особаго интереса и едвали даже могла бы дать достаточно матеріала для магистерской диссертаціи. Аполлинарій лаодикійскій былъ, правда, очень плодовитымъ писателемъ, и объ его учености отзывается одобрительно даже евноміанинъ Филосторгій [2]). Но отъ его многочисленныхъ сочиненій не сохранилось подъ его именемъ ничего, за исключеніемъ только отрывковъ, приводимыхъ полемистами противъ аполлинаріанства и другими позднѣйшими авторами. При такомъ состояніи источниковъ можно было написать объ Аполлинаріи развѣ только небольшую брошюру, въ родѣ нѣмецкихъ докторскихъ диссертацій, а не цѣлую книгу въ нѣсколько сотъ страницъ. И повидимому работа надъ Аполлинаріемъ не обѣщала даже и ничего новаго: вѣдь ученіе Аполлинарія излагалось достаточно полно въ разныхъ исто-

---

[1]) *A. Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte II³. 351, 1 [=II² 354, 2]. Перечисливъ въ этомъ примѣчаніи пособія по исторіи евтихіанскаго спора, А. Гарнаккъ говоритъ: „не смотря на эти работы мы еще не обладаемъ критическимъ изложеніемъ исторіи церкви и догматовъ для рѣшительныхъ лѣтъ предъ халкидонскимъ [соборомъ]. Важнѣйшею предварительною работою для этого была бы монографія о Ѳеодоритѣ, по моему мнѣнію самымъ правдолюбивомъ и неполитичномъ изъ отцовъ тогдашняго времени“. Въ 3-мъ изданіи (1894 г.) тутъ прибавлено у Гарнакка упоминаніе о монографіи Глубоковскаго, которая „къ сожалѣнію недоступна“ нѣмецкой наукѣ.—II², 313, Anm. l. c. у *А. А. Спасскій*, Аполлинарій лаодикійскій, IX,5: man kann innerhalb d. Dogmengeschichte d. Allerthums zur Zeit keine lohnendere Aufgabe finden, какъ спеціальная монографія объ Аполлинаріи. Въ 3-мъ изданіи „Исторіи догматовъ“ S. 310, Anm. I., вышедшемъ уже послѣ монографіи объ Аполлинаріи, написанной Дрэзеке, это замѣчаніе Гарнаккомъ опущено.

[2]) Philostorg, h. e. VIII, 11. *Bidez* SS. 112—113.

ріяхъ догматовъ и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по исторіи ученія о Св. Троицѣ и о Лицѣ Іисуса Христа. А свѣдѣній о жизни Аполлинарія дошло до насъ такъ не много, что и самъ А. А. Спасскій могъ дать въ своей книгѣ только краткій очеркъ ея.

Но въ 1879 году знаменитый изслѣдователь древнихъ символовъ норвежскій профессоръ *Каспари*, въ сочиненіи: „Новые и старые источники къ исторіи крещальнаго символа и правилъ вѣры“ [1]) установилъ принадлежность Аполлинарію лаодикійскому нѣкоторыхъ сочиненій, сохранившихся подъ именами свв. отцовъ, именно: 1) надписаннаго именемъ св. Григорія чудотворца, епископа неокесарійскаго, пространнаго изложенія вѣры, *Ἡ κατὰ μέρος πίστις*, 2) приписываемаго св. Аѳанасію в., слова о воплощеніи Бога Слова и 3) двухъ сочиненій, приписываемыхъ Юлію, епископу римскому. Какъ оказывается, о принадлежности этихъ сочиненій Аполлинарію знали и древніе авторы; только на ихъ сообщенія въ послѣднее время никто не обращалъ вниманія, и до Каспари почти никто не давалъ себѣ труда изслѣдовать эти небольшія произведенія съ догматической точки зрѣнія [2]). Каспари выполнилъ эту задачу, и принадлежность

[1]) *Caspari*, Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel. Christiania. 1879. SS. 65—146.

[2]) Заслугу Каспари не слѣдуетъ преувеличивать. Какъ оказывается, принадлежность Аполлинарію нѣкоторыхъ сочиненій, надписанныхъ именами свв. отцовъ, не была совсѣмъ забыта и въ новѣйшее время. Въ частности въ началѣ XVIII в. доминиканецъ Лекьенъ во 2-й диссертаціи, помѣщенной въ его изданіи твореній св. Іоанна Дамаскина доказывалъ принадлежность Аполлинарію сочиненій: псевдо-Григоріевой *Ἡ κατὰ μέρος πίστις*, псевдо Аѳанасіева сочиненія De incarnatione verbi Dei и подложныхъ писемъ римскихъ епископовъ Юлія (къ Діонисію) и Феликса, т. е. какъ разъ тѣхъ 4-хъ сочиненій, которыя признаны собственностію Аполлинарія и новѣйшими изслѣдованіями. См. *F. X. Funk*, Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen, II, 253 [= Theol. Quartalscrift, 1896, S. 116). Заслуга Каспари, какъ отмѣчаетъ это и А. А. Спасскій (135,1), состоитъ собственно только въ томъ, что, высказанную уже древними церковными писателями, догадку о принадлежности сочиненія „*Ἡ κατὰ μερος πίστις*“ Аполлинарію онъ блистательно подтвердилъ тѣмъ, что указалъ на цитаты изъ этого сочиненія“ какъ принадлежащаго Аполлинарію“, въ Эранистѣ Ѳеодорита кирскаго. — Принадлежность этого сочиненія Аполлинарію признана была даже и въ русской церковно-исторической наукѣ преосв. Филаретомъ черниговскимъ и — уже вслѣдъ за Каспари—Н. Н. Глубоковскимъ.—*А. А. Спасскій*, тамъ же.

этихъ сочиненій Аполлинарію стала для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. Каспари же объяснилъ и то, кѣмъ и съ какою цѣлію эти сочиненія Аполлинарія надписаны были именами свв. отцовъ: сдѣлали это не позднѣйшіе еретики—монофиситы, а сами же послѣдователи Аполлинарія съ цѣлію спасти такимъ путемъ хотя что либо изъ написаннаго ихъ учителемъ.—Каспари былъ ученый авторитетъ перваго ранга. О немъ говорили, что тамъ, гдѣ онъ работалъ, другимъ ученымъ дѣлать нечего. Принадлежность упомянутыхъ сочиненій Аполлинарію доказана была имъ такъ, что нашла всеобщее признаніе.

Но эти сочиненія — далеко не единственныя въ древнехристіанской литературѣ, которыя не могутъ принадлежать тѣмъ отцамъ и учителямъ церкви, подъ именемъ которыхъ дошли до насъ. Патристическая литература содержитъ много произведеній подложныхъ и ложнонадписанныхъ. Напр., подъ именемъ св. Іустина философа, кромѣ его апологіи и діалога съ Трифономъ іудеемъ, сохранился рядъ другихъ сочиненій, которыя несомнѣнно не могутъ принадлежать Іустину. Рукописи твореній св. Василія великаго содержатъ 5 книгъ противъ Евномія. Но изъ нихъ самому Василію принадлежатъ несомнѣнно только 3 книги; а авторомъ 4-й и 5-й книгъ, какъ давно признано, былъ кто-то другой. — Открытіе Каспари выдвинуло вопросъ, нельзя ли среди этихъ ложно надписанныхъ сочиненій найти и какихъ-либо другихъ сочиненій Аполлинарія помимо тѣхъ, принадлежность которыхъ Аполлинарію установлена Каспари. За рѣшеніе этого вопроса взялся очень плодовитый, но не особенно авторитетный (не занимавшій даже нигдѣ профессорской каѳедры) нѣмецкій ученый Іоганнесъ *Дрэзеке*, который и нашелъ возможнымъ приписать Аполлинарію и 4-ю и 5-ю книги псевдо-Василія противъ Евномія, и псевдо-іустиновское увѣщательное слово къ эллинамъ, и нѣкоторыя другія сочиненія, какъ напр. сохранившіеся подъ именемъ то Аѳанасія в., то св. Максима исповѣдника діалоги о Св. Троицѣ противъ аноміевъ и македоніанъ. Свои находки Дрэзеке изложилъ въ рядѣ журнальныхъ статей, а въ концѣ концовъ (уже въ 1892 году) объединилъ и въ цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Аполлинарій лаодикійскій. Его жизнь и его сочиненія“, въ приложеніи къ которому издалъ и самый текстъ приписывае-

мыхъ имъ Аполлинарію твореній [1]). Это изслѣдованіе появилось въ издаваемыхъ Гебгардтомъ и Гарнакомъ „Текстахъ и изслѣдованіяхъ по исторіи древне-христіанской литературы".

Гипотезы Дрэзеке встрѣчены были на Западѣ далеко не съ тѣмъ довѣріемъ, какъ открытія Каспари, но пока не находили себѣ и основательнаго опроверженія. Вопросъ объ Аполлинаріи и его сочиненіяхъ пріобрѣталъ неожиданный интересъ, на что и было указано Гарнакомъ еще за 5 лѣтъ до выхода въ свѣтъ монографіи Дрэзеке объ Аполлинаріи.

А. А. Спасскому и была поставлена А. П. Лебедевымъ задача: провѣрить выводы Каспари и особенно Дрэзеке и установить точно, какія именно изъ приписываемыхъ Аполлинарію лаодикійскому этими учеными ложнонадписанныхъ сочиненій дѣйствительно принадлежатъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ принадлежать ему, и какія несомнѣнно ему не принадлежатъ.

Посвященная рѣшенію этой задачи магистерская диссертація А. А. Спасскаго, окончившаго въ 1890 году Академію первымъ магистрантомъ, появилась въ печати не такъ скоро, только въ 1895 году [2]), и не произвела такого, напримѣръ, эффекта, какъ выходъ въ свѣтъ въ 1890 году—спустя годъ по окончаніи авторомъ курса Академіи—двухтомнаго изслѣдованія о Блаженномъ Ѳеодоритѣ Н. Н. Глубоковскаго. Не особенно велика вышла книга А. А. Спасскаго и по объему [3]).

[1]) Dr. Johannes *Drüseke,* Apollinarios von Laodicea. Sein Leben und seine Schriften. Nebst einem Anhang: Apollinarii Laodiceni quae supersunt dogmatica. Leipsig 1892 (Texte und Untersuchunyen zur Geschichte der altchristlicken Literatur hrsg. v. *O. v. Gebhardt* und *A. Harnack* B. VII. Heft 3 и 4).

[2]) Это замедленіе выхода въ свѣтъ книги А. А. Спасскаго стоитъ вѣроятно, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Дрэзеке только въ 1892 году объединить свои статьи объ Аполлинаріи въ цѣлую книгу: отчасти же тутъ, вѣроятно, имѣли значеніе и обстоятельство жизни самого А. А. Спасскаго, которой не сразу по окончаніи стипендіатскаго года занялъ профессорскую каѳедру въ Академіи, а вынужденъ былъ нѣкоторое время быть преподавателемъ семинаріи; но и по занятіи съ Академіи каѳедры новой гражданской исторіи онъ вынужденъ былъ значительную часть времени посвятить составленію лекцій по предмету, который раньше не былъ его спеціальностію.

[3]) Въ ней только XII+465+II стрр. обыкновеннаго шрифта, которымъ печатался тогда Богословскій Вѣстникъ; тогда какъ 2 тома изслѣдованія Н. Н. Глубоковскаго содержатъ 349+510=859 страницъ мелкаго шрифта

Но поставленная ему задача была выполнена А. А. Спасскимъ наилучшимъ образомъ. А. А. Спасскій не только доказалъ самымъ основательнымъ образомъ непринадлежность Аполлинарію сочиненій, приписываемыхъ ему Дрэзеке, не только свелъ, такимъ образомъ, къ нулю всѣ открытія этого ученаго, не только установилъ точно, какія именно сочиненія принадлежатъ дѣйствительно Аполлинарію, но и выступилъ въ своей книгѣ съ самостоятельнымъ научнымъ открытіемъ. Онъ доказалъ [1])—независимо отъ кого бы то ни было и раньше другихъ,—что приписываемыя Дрэзеке Аполлинарію 4-я и 5-я книги противъ Евномія, помѣщаемыя въ числѣ твореній св. Василія великаго, на самомъ дѣлѣ принадлежатъ не Аполлинарію, а извѣстному оригенисту, слѣпцу Дидиму александрійскому.

Имя этого знаменитаго александрійскаго богослова-слѣпца въ качествѣ возможнаго автора этого псевдо-василіева сочиненія, названо было и самимъ Дрэзеке. Но онъ не далъ себѣ труда сличить это произведеніе съ сохранившимися твореніями Дидима, и онъ отстранилъ его какъ автора его, по чисто формальнымъ основаніямъ: „ни Фотій не упоминаетъ о сочиненіи Дидима противъ Евномія, ни Іеронимъ не обозначаетъ ясно такое произведеніе“. Въ дѣйствительности, какъ разъясняетъ А. А. Спасскій, Фотій уже потому не могъ говорить о Дидимѣ, какъ полемистѣ противъ Евномія, что считалъ 4-ю и 5-ю книги противъ Евномія принадлежащими самому Василію великому, а Іеронимъ упоминаетъ о Дидимѣ, какъ полемистѣ противъ Евномія въ главѣ объ Евноміи „и если онъ въ главѣ о Дидимѣ не повторяетъ свѣдѣнія, изложеннаго въ главѣ о Евноміи, то это обусловливается его правиломъ—не возвращаться къ тому, что сказано раньше“ [2]). Словомъ Дрэзеке, по выраженію В. В. Болотова [3]), „нѣсколько

и большого формата, слѣд. превосходятъ книгу А. А. Спасскаго больше чѣмъ вдвое. Книга А. А. Спасскаго въ разныхъ экземплярахъ носитъ два не совсѣмъ одинаковыхъ заглавія: 1) Историческая судьба сочиненій Аполлинарія лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни; 2) Аполлинарій лаодикійскій. Историческая судьба сочиненій Аполлинарія съ краткимъ очеркомъ его жизни.

[1]) *А. А. Спасскій*, стрр. 362—373.

[2]) *А. А. Спасскій*, стр. 363.

[3]) Христ. Чт. 1908, II, октябрь, стр. 1414.

на адвокатскій ладъ отвелъ Дидима, словно непріятнаго совмѣстника, и сталъ аргументировать въ пользу Аполлинарія".

Тщательно разобравъ аргументацію Дрэзеке, *А. А. Спасскій* [1]) пришелъ къ тому твердо обоснованному выводу, что не только нѣтъ никакихъ основаній приписывать это псевдо-василіево произведеніе Аполлинарію, но и есть рѣшительныя основанія утверждать, что авторомъ его не могъ быть Аполлинарій.

Между этимъ произведеніемъ и подлинными сочиненіями Аполлинарія есть разности въ терминологіи и въ самомъ строѣ рѣчи, а главное: Аполлинарій, умершій около 382 года [2]) и послѣдніе годы жизни отдавшій всецѣло раскрытію своего еретическаго ученія о воплощеніи, могъ писать (и, по сообщенію блаженнаго Іеронима, дѣйствительно писалъ) только противъ того же самаго „апологетика" Евномія, который опровергалъ и св. Василій великій въ своихъ (безспорно подлинныхъ) трехъ книгахъ противъ Евномія. Но въ спорномъ произведеніи еще Гарнье указалъ такое мѣсто, которое говоритъ о знакомствѣ его автора со второй апологіей Евномія, которой онъ отвѣтилъ на сочиненіе св. Василія и которую—за смертію Василія, послѣдовавшей въ 1879 г.,—опровергалъ его братъ св. Григорій нисскій [3]).

Не найдя, такимъ образомъ, возможнымъ согласиться съ выводомъ Дрэзеке, что этотъ антирритикъ противъ Евномія принадлежитъ Аполлинарію, А. А. Спасскій естественно „обратилъ серьезное вниманіе на Дидима" и „истина"—по выраженію В. В. Болотова [4])—„возсіяла во всей своей побѣждающей силѣ". А. А. Спасскій „открылъ текстуальныя параллели поразительной самоочевидности, тождество и въ рецензіи текста св. писанія и въ пріемахъ цитаціи".

На долю А. А. Спасскаго выпало, такимъ образомъ, рѣдкое счастье—выступить уже въ первой серьезной работѣ съ но-

---

[1]) *А. А. Спасскій*, стрр. 353—362.

[2]) О времени кончины Аполлинарія см. *А. А. Спасскій*, стрр. 88—89.

[3]) Самыя слова Евномія, которыя имѣетъ тутъ въ виду псевдо-Василій и св. Григорій нисскій, въ его приводимомъ у А. А. Спасскаго, (стр. 360) Словѣ указалъ въ своемъ отзывѣ о сочиненіи А. А. Спасскаго В. В. Болотовъ. См. Христ. Чтен. 1908, II, октябрь, стр. 1415.

[4]) Хр. Чт. 1908, II, 1414.

вымъ научнымъ тезисомъ. Въ этомъ отношеніи его магистерская диссертація стоитъ выше магистерскихъ диссертацій В. В. Болотова и Н. Н. Глубоковскаго.

Книга В. В. Болотова „Ученіе Оригена о св. Троицѣ“ (Спб. 1879 г.) представляетъ собою замѣчательное по полнотѣ и основательности изложеніе предмета, написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ. По сужденію самого А. А. Спасскаго [1]) она и въ 1906 году оставалась „лучшимъ изслѣдованіемъ“ объ Оригенѣ, „по основательности и всесторонности постановки дѣла“. Но она не содержитъ новыхъ тезисовъ (что объясняется, конечно, и самымъ существомъ дѣла, такъ какъ ученіе Оригена о Св. Троицѣ до 1879 года излагалось нѣсколько разъ и такими серьезными учеными, что тутъ и невозможно было ожидать новыхъ научныхъ открытій).

Въ книгѣ Н. Н. Глубоковскаго, „Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій“ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ новый научный тезисъ: онъ доказалъ [1]) принадлежность Ѳеодориту издаваемыхъ подъ именемъ св. Кирилла александрійскаго сочиненій „О святой и животворящей Троицѣ“ и „О вочеловѣченіи Господа“. Но, не говоря уже о томъ, что открыть автора, въ особенности второго изъ этихъ сочиненій—въ виду его явно антіохійской христологіи — для спеціалиста по исторіи христологическихъ споровъ V вѣка было гораздо легче, чѣмъ найти автора 4-й и 5-й псевдо-василіевыхъ книгъ противъ Евномія, тезисъ Н. Н. Глубоковскаго былъ уже предвозвѣщенъ еще въ 1888 году католическимъ богословомъ Эрхардомъ [2]), и Н. Н. Глубоковскому пришлось аргументировать его уже вслѣдъ за этимъ иностраннымъ ученымъ, хотя самый выводъ, по крайней мѣрѣ относительно сочиненія „о вочеловѣченіи Господа“, сдѣланъ имъ и независимо отъ Эрхарда.

А. А. Спасскій высказалъ и обосновалъ свой тезисъ не только независимо отъ кого бы то ни было, но и раньше

---

[1]) *Н. Н. Глубоковскій*, Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Т. II, Москва, 1890, стрр. 89—128.

[2]) Dr. Theol. *Albert Ehrhard*, Die Cyrill v. Alexandrien zugeschriebene Schift *Περὶ τῆς τοῦ Κυρίου ἐνανθρωπήσεως* ein Werk Theodoret's v. Cyrus въ Theologische Quartalschrift 1888, II, 179—133. III, 406—450, IV, 623—653 l. c. ap. *Н. Н. Глубоковскій*, II, 90, 81, 97, 110.

всѣхъ другихъ. Пріоритетъ этого научнаго открытія у него не можетъ оспаривать никто.

Открытіе А. А. Спасскаго вскорѣ же по выходѣ въ свѣтъ его книги отмѣчено было и оцѣнено по достоинству и въ иностранной наукѣ. Бывшій дерптскій, а къ тому времени уже геттингенскій профессоръ *Натанаель Бонвечъ*, хорошо знающій русскій языкъ, помѣстилъ о его книгѣ сочувственныя замѣтки сначала въ Theologisches Litteraturblatt, 1896, Nr. 17, Sp. 209—210 [1]), а потомъ въ Byzantinische Zeitschrift 1897, Heft. 1. §§ 175—177 [2]). Тезисъ А. А. Спасскаго Бонвечъ призналъ вполнѣ доказаннымъ и представленныя имъ параллели вполнѣ убѣдительными (Schlagende Parallelen).

И только въ 1897 году, когда открытіе А. А. Спасскаго сдѣлалось, такимъ образомъ, извѣстно и на Западѣ, обоснованіе того же научнаго тезиса предложено было на международномъ католическомъ ученомъ конгрессѣ католическимъ богословомъ тюбингенскимъ профессоромъ *Функомъ* и опубликовано въ протоколахъ (Compte rendu) этого конгресса. Выводъ, что 4-я и 5-я книги противъ Евномія, приписываемыя Василію в., принадлежатъ Дидиму, Функъ сдѣлалъ независимо отъ А. А. Спасскаго, книгу котораго онъ и не могъ читать, по незнанію русскаго языка; но и о существованіи ея и о томъ, что и А. А. Спасскій сдѣлалъ тотъ же выводъ, онъ уже зналъ изъ рецензій Бонвеча. Свою статью Функъ перепечаталъ потомъ во II томѣ собранія своихъ церковно-историческихъ сочиненій, вышедшемъ въ 1899 г. [3]). Тезисъ Функа вызвалъ, однако, на Западѣ возраженія со стороны *К. Холля* [4]), автора замѣчательнаго изслѣдованія объ

[1]) Этого журнала за этотъ годъ не оказалось въ академической библіотекѣ, и о содержаніи его я знаю только изъ отзыва В. В. Болотова въ Хр. Чт. 1908, окт. стр. 1414.

[2]) Eine ganz vortreffliche Arbeit!—такъ начинается этотъ отзывъ—Nicht nur ist die in Betracht kommende Littetatur in weiten Umfang herangezogen—es sind auch alle einschlägigen Fragen mit ebensoviel Sorgfalt wie besonnenem Urteil erörtert.—Изложивъ далѣе содержаніе книги А. А. Спасскаго, Бонвечъ говоритъ въ заключеніе: Es würde zu weit führen die Darlegungen Spasskijs im einzelnen noch näher hier vorzuführen, aber die gegebene Übersicht wird genügen, die Tüchtigkeit seiner Leistung zu zeigen.

[3]) *F. X. Funk*, Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen Paderborn. 1899. SS. 291—329.

[4]) *K. Holl*, Amphilochius v. Ikonium in seinem Verhältniss zu den grossen Kappadoziern. Tübingen und Leipzig. 1904. S. 245, Anm. 1.

Амфилохіи иконійскомъ и *И. Лейпольдта* [1]), автора спеціальной монографіи о Дидимѣ, слѣпцѣ александрійскомъ. Эти возраженія Функъ опровергаетъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ III томѣ его церковно-историческихъ сочиненій и изслѣдованій, вышедшемъ въ 1907 году [2]).

Изъ другихъ западныхъ ученыхъ выводъ А. А. Спасскаго принимаютъ *Барденхевер*ъ и авторъ статьи о Дидимѣ въ 3-мъ изданіи Реальной Энциклопедіи Гаука, которые прямо и ссылаются на А. А. Спасскаго [3]). Вѣроятность этого тезиса Спасскаго-Функа признаетъ и *Шубертъ* во 2-мъ изданіи Церковной исторіи Меллера [4]).

Въ Россіи [5]) авторитетный приговоръ объ открытіи А. А.

---

[1]) *J. Leipoldt*, Didymus der Blinde von Alexandria (Texte und Untersuchungen herausg. v. O. v. *Gebhardt* u. *A. Harnack* B. XXVIII [=N. T. XIV]. 3. SS. 26—31. Н. с. ар. *Funk.*

[2]) *F. X. Funk*, Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untetsuchungen III. B. Paderborn. 1907, SS 311—323.—Въ основѣ этой статьи лежитъ статья въ Theologische Quartalschrift 1901, SS. 113—118. Но тамъ конечно не могло быть критики возраженій, опубликованныхъ въ 1904 и 1905 гг.

[3]) См. *А. А. Спасскій.* Исторія догматическихъ движеній, 529, 2.

[4]) *Möller-Schubert* KG. I, 502, ср. 492 (wohl Dydimus v. Aleksandrien).

[5]) А. П. Лебедевъ ни въ одномъ изъ своихъ отзывовъ о сочиненіи А. А. Спасскаго не отмѣтилъ explicite этого его открытія. Въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи А. А. Спасскаго (Журналахъ Совѣта М. Д. А. 1890 г.) онъ пишетъ только (стр. 108—109): „Разбирая существующія гипотезы, авторъ нерѣдко создаетъ свои собственныя, получатъ ли онѣ мѣсто въ наукѣ или нѣтъ—это рѣшитъ будущее время,—но все же нельзя не признать ихъ остроумными и дающими видѣть въ авторѣ человѣка умнаго и талантливаго". Почти буквально А. П. Лебедевъ повторяетъ эти слова и въ отзывѣ о магистерскомъ сочиненіи А. А. Спасскаго (представляющемъ въ цѣломъ повтореніе—съ немногими измѣненіями—отзыва о кандидатскомъ сочиненіи). (Журналы Совѣта Моск. Дух. Ак. 1895 г. стр. 417—418): „Разбирая существующіе въ наукѣ гипотезы относительно принадлежности тѣхъ или другихъ сочиненій Аполлинарію, нашъ авторъ создаетъ иногда свои собственныя гипотезы о томъ, кому въ дѣйствительности должно принадлежать спорное сочиненіе. Получатъ ли онѣ мѣсто въ наукѣ или нѣтъ, это рѣшитъ будущее, но все же нельзя не признать ихъ остроумными и дающими видѣть въ авторѣ человѣка талантливаго". Я намѣренно привелъ эти въ существенномъ тождественныя фразы изъ обоихъ отзывовъ, такъ какъ отсюда видно, что А. А. Спасскій свое открытіе относительно Дидима сдѣлалъ еще на студенческой семьѣ и изложилъ въ кандидатскомъ сочиненіи.—Но для А. П. Лебедева очень характерно, что онъ обнаруживаетъ въ отношеніи къ этому цѣнному открытію такое равнодушіе, что не упоминаетъ ни имени Дидима, ни сочиненія, объ авторѣ

Спасскаго произнесъ въ 1898 году В. В. Болотовъ. Свое сочиненіе А. А. Спасскій представилъ въ Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ на премію Митрополита Московскаго Макарія и отзывъ о немъ поручено было писать В. В. Болотову [1]).

Свой отзывъ о книгѣ А. А. Спасскаго В. В. Болотовъ началъ [2]) такими словами: „Не впадая въ преувеличеніе, можно назвать изслѣдованіе г. А. Спасскаго выдающимся явленіемъ въ нашей богословской литературѣ. Это — весьма дѣльная *литературно-критическая* монографія". Оцѣнивая далѣе 6-ю главу книги А. А. Спасскаго, гдѣ изложена имъ его гипотеза о Дидимѣ, В. В. Болотовъ пишетъ [3]): „Глава 6-я представляетъ такія достоинства, что, еслибы г. Спасскій и не написалъ ничего кромѣ этихъ 50 страницъ, я считалъ бы ихъ заслуживающими и ученой степени магистра богословія и преміи Высокопреосв. митр. Макарія". „Стр. 362—371 никто не назоветъ (всегда безполезнымъ для науки) „повтореніемъ выше пройденнаго": онѣ ставятъ новый научный тезисъ; онѣ вопросъ о Дидимѣ, какъ авторѣ Антирртика, рѣшаютъ безповоротно. Такія страницы всегда рѣдки въ ученой письменности всѣхъ временъ и народностей и дѣлаютъ честь и имени автора и той литературѣ, въ которой онѣ встрѣчаются". Въ концѣ отзыва, указавъ нѣкоторые недостатки сочиненія А. А. Спасскаго, В. В. Болотовъ пишетъ [4]) „въ предѣлахъ изслѣдованія литературно-критическаго г. Спасскій достигъ богатыхъ результатовъ"

котораго шла рѣчь у А. А. Спасскаго, и даже относится къ его гипотезѣ нѣсколько скептически. А. П. Лебедевъ такъ привыкъ прислушиваться во всемъ къ голосамъ съ запада, слѣдовать во всемъ за нѣмцами, только отъ нихъ ждать дѣйствительно новыхъ вкладовъ въ науку, что не рѣшается самъ высказать приговоръ относительно новой гипотезы, высказанной молодымъ русскимъ ученымъ, и рѣшается ждать приговора объ немъ науки, конечно западной, въ будущемъ. Даже предъ лицемъ несомнѣннаго факта, что русскій ученый сдѣлалъ цѣнное открытіе въ области древне-христіанской литературы. А. П. Лебедевъ не можетъ отрѣшиться отъ предвзятой мысли, что русская церковно-историческая наука тѣмъ и отличается отъ западной, что не дѣлаетъ открытій.

[1]) Этотъ отзывъ появился въ печати только въ 1908 году. См. Христ. Чтеніе 1908 г., августъ-сентябрь, стр. 1253—1275; октябрь, стр. 1400—1420.

[2]) Христ. Чтен. 1908, августъ—сентябрь, стр. 1253.

[3]) Хр. Чт. 1908, октябрь, стр. 1413—1415.

[4]) Тамъ же стрр. 1418—1419.

аа) Результатъ первый—отрицательный: вся дѣятельность Дрэзеке по вопросу о сочиненіяхъ Аполлинарія сведена къ нулю, и такой στέφανος — достойная награда скороспѣлыхъ рѣшеній нѣмецкаго ученаго. Аполлинарію принадлежитъ только то, что̀ приписываютъ ему древніе авторы. Ни одна изъ находокъ Дрэзеке не выдержала пробы.—

бб) Результатъ второй — положительный: самъ г. Спасскій несомнѣнно сдѣлалъ ученое открытіе. Если до сихъ поръ въ патрологіяхъ писали:

„Творенія Василія в.

„Ἀνατρεπτικὸς τοῦ ἀπολογητικοῦ τοῦ δυσσεβοῦς Εὐνομίου въ „пяти книгахъ, но 4-я и 5-я книги по всей вѣроятности не „принадлежатъ Василію“,

То теперь въ патрологіяхъ будутъ писать:

„Творенія Дидима александрійскаго:

„Περὶ Τριάδος. De Spiritu Sancto. Ἀντιρρητικὸς κατ' Εὐνομίου „(въ S. Basilii Magni opera, inter spuria, какъ 4-я и 5-я книги „противъ Евномія). Мысль, что этотъ антирритикъ принадле„житъ Дидиму, первый высказалъ въ 1895 году и обосновалъ „*А. Спасскій*“.

Много ли русскихъ именъ могутъ разсчитывать на такую будущность?“

Къ этой оцѣнкѣ, высказанной такимъ компетентнымъ и безпристрастнымъ цѣнителемъ, какимъ былъ В. В. Болотовъ, трудно что-либо прибавить.

Само собою понятно, что А. А. Спасскій имѣлъ возможность въ первой же серьезной работѣ подарить нашу науку цѣннымъ открытіемъ не по одной счастливой случайности, но главнымъ образомъ потому, что обладалъ уже въ то время солидной начитанностію и въ литературѣ, и въ самыхъ первоисточникахъ древней церковной исторіи, а также и незаурядным критическимъ талантомъ. Насколько серьезно А. А. Спасскій уже въ то время изучилъ богословскую литературу IV вѣка, насколько освоился съ тогдашней терминологіей въ ученіи не только о воплощеніи (которое преимущественно должно было интересовать его, какъ изслѣдователя сочиненій Аполлинарія), но и о Св. Троицѣ, можно судить потому, что онъ, какъ это отмѣчено и у В. В. Болотова [1]), отчетливо

[1]) Хр. Чт. 1908, окт. стр. 1416.

различаетъ [1]) богословскую терминологію древнѣйшихъ защитниковъ никейскаго символа, какъ Аѳанасій в., къ которой примыкалъ и Аполлинарій, отъ позднѣйшей, строго выработанной, терминологіи каппадокійскихъ отцовъ съ ихъ яснымъ ученіемъ о *μία θεότης* [2]) и *τρεῖς ὑποστάσεις*. И это дало ему возможность со всею рѣшительностію опровергнуть гипотезу Дрэзеке о принадлежности Аполлинарію псевдоаѳанасіевыхъ діалоговъ о Св. Троицѣ, авторъ которыхъ держится каппадокійской терминологіи.

Отличающееся такими достоинствами магистерское сочиненіе А. А. Спасскаго не было первымъ трудомъ его, появившимся въ печати. Еще будучи студентомъ Академіи онъ напечаталъ большія статьи: „Отношеніе пророковъ къ обрядовому закону Моисея“ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1889 г., мартъ, и „Св. Іустинъ философъ и синоптическія евангелія“ въ Православномъ Обозрѣніи 1889 г., май—іюнь, а вскорѣ послѣ окончанія курса статью: „Гуссъ и Виклефъ“ въ Чтеніяхъ въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1890 г., іюль. Разнообразныя темы этихъ статей доказываютъ, что онѣ представляютъ собою семестровыя сочиненія автора, т.-е. произведенія такого рода, которыя рѣдко появляются въ печати. Для семестровыхъ сочиненій онѣ не совсѣмъ обычны даже и по своему размѣру: статья объ Іустинѣ занимаетъ въ Прав. Обозрѣніи 106 страницъ. А главное: онѣ отличаются — необычнымъ для студенческихъ работъ — изяществомъ стиля. Въ этомъ отношеніи онѣ превосходятъ даже и изслѣдованіе А. А. Спасскаго объ Аполлинаріи въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено имъ на степень кандидата богословія, что̀ и отмѣчено въ отзывѣ о немъ профессора А. П. Лебедева [3]).

---

[1]) *А. А. Спасскій*, стрр. 383—387.

[2]) Аполлинарій же считалъ *θεότης* личнымъ свойствомъ Бога Отца, *πατρὸς ἴδιον*.

[3]) Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи 1890 года. Москва, 1890, стр. 109: „Къ сожалѣнію, нужно сказать, что сочиненіе автора на этотъ разъ не имѣетъ той изящной отдѣлки, къ какой онъ пріучилъ насъ своими прежними сочиненіями (нѣкоторые изъ нихъ какъ извѣстно, уже напечатаны); вѣроятно, это зависѣло отъ широты размѣра сочиненія (760 стр.).“—Въ печатномъ видѣ этотъ недостатокъ работы А. А. Спасскаго конечно, изчезъ, и она отличается тѣмъ же изяществомъ изложенія, какъ и другія его сочиненія.

По окончаніи—въ 1891 году—стипендіатскаго года А. А. Спасскій—за неимѣніемъ въ Академіи свободныхъ каѳедръ—вынужденъ былъ занять временно мѣсто преподавателя философіи въ Подольской духовной семинаріи, и только въ началѣ 1893/4 учебнаго года избранъ былъ—по прочтеніи 17 августа 1893 года двухъ пробныхъ лекцій—на освободившуюся въ Академіи—съ уходомъ профессора Д. Ѳ. Касицына и съ переходомъ на его мѣсто на каѳедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій профессора В. А. Соколова—каѳедру новой гражданской исторіи, которую и занималъ $2^1/_2$ года до конца 1895 года. Но свою любовь къ исторіи именно древней церкви А. А. Спасскій доказалъ тѣмъ, что, когда въ концѣ 1895 года проф. А. П. Лебедевъ перешелъ изъ Академіи на каѳедру церковной исторіи въ Московскомъ Университетѣ, онъ занялъ его мѣсто въ нашей Академіи, хотя лекціи по новой гражданской исторіи къ тому времени у него уже были составлены, а по общей церковной исторіи ему нужно было составить ихъ вновь. Этотъ переходъ А. А. Спасскаго на мѣсто А. П. Лебедева состоялся сразу же послѣ его магистерскаго диспута. Чтеніе лекцій по церковной исторіи онъ началъ въ мартѣ 1896 года.

Свои лекціи по гражданской исторіи А. А. Спасскій послѣ напечаталъ: сначала на страницахъ Богословскаго Вѣстника (за 1906-й и 1910-й годы), а потомъ выпустилъ ихъ и отдѣльной книгой подъ заглавіемъ *А. Сотерскій* (изъ *Σωτηρ*= въ латинской передачѣ Soter=Спасъ+скій), Общедоступныя лекціи по исторіи западно-европейскаго средневѣковья (Сергіевъ посадъ, 1910). Въ обсужденіе научныхъ достоинствъ этихъ лекцій не вхожу, такъ какъ немогу считать себя компетентнымъ въ этой области, да онѣ и не относятся къ предмету настоящаго очерка. Замѣчу только, что съ чисто внѣшней стороны и эти лекціи по предмету, не интересовавшему А. А. Спасскаго спеціально, обладаютъ достоинствами другихъ его печатныхъ работъ: интереснымъ содержаніемъ и прекраснымъ изложеніемъ.

Исторія древней церкви по уставу 1884 года соединена была съ исторіей византійской церкви послѣ раздѣленія церквей и носила названіе: общей церковной исторіи. А. П. Лебедевъ, бывшій до 1884 года профессоромъ древней церковной исторіи (до раздѣленія церквей, какъ и

въ настоящее время по уставу 1910 года), послѣ 1884 года читалъ иногда лекціи и по исторіи византійской церкви послѣ 1054 года и напечаталъ послѣ очерки по исторіи греческой церкви подъ турецкимъ владычествомъ. А. А. Спасскій въ теченіи болѣе, чѣмъ 14-и лѣтъ (съ начала 1896 года по апрѣль—май 1910 года) состоялъ профессоромъ общей церковной исторіи, и только подъ конецъ жизни сталъ профессоромъ исторіи древней церкви, и однако во всю жизнь оставался спеціалистомъ по исторіи только древней церкви и только по ней читалъ лекціи. Но и тутъ онъ, кажется, никогда не доходилъ до конца періода вселенскихъ соборовъ. Такое ограниченіе могло быть только выгодно для дѣла. При обиліи источниковъ и пособій по церковной исторіи, одному человѣку совершенно невозможно быть дѣйствительно свѣдущимъ во всѣхъ ея отдѣлахъ, хотя бы и за исключеніемъ исторіи русской церкви и исторіи западныхъ исповѣданій. Лучше ограничиться однимъ, сравнительно небольшимъ, отдѣломъ исторіи церкви, но знать его основательно, по первоисточникамъ и лучшимъ пособіямъ, чѣмъ знакомиться одинаково со всей исторіей церкви на всемъ ее протяженіи, но знакомиться неизбѣжно поверхностно, по большей части со словъ другихъ авторовъ.

За 10-лѣтіе 1896—1905 гг. А. А. Спасскій выступалъ въ печати не особенно часто, съ работами по большей части небольшого размѣра и преимущественно библіографическаго характера. Это объясняется тѣмъ, что первые годы большую часть времени онъ долженъ былъ удѣлять на составленіе лекцій, а значительную часть этого періода онъ состоялъ еще редакторомъ Богословскаго Вѣстника, а главное: онъ конечно вѣдь не одинъ годъ трудился надъ составленіемъ своей обширной, появившейся въ 1906 году докторской диссертаціи. Изъ напечатанныхъ за это время статей А. А. Спасскаго, появлявшихся—по большей части—въ Богословскомъ Вѣстникѣ, можно отмѣтить:

1) „Сужденія современной протестантской церковно-исторической науки объ Аполлинаріи лаодикійскомъ и его значеніи въ исторіи догматики“. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертаціи, напечатанная въ февральской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1896-й годъ [1]). Давъ краткую

[1]) Стрр. 171—188.

оцѣнку мнимыхъ открытій Дрэзеке и научныхъ пріемовъ этого автора, А. А. Спасскій отмѣчаетъ здѣсь вызванную „находками“ Дрэзеке преувеличенную оцѣнку историческаго значенія Аполлинарія въ нѣмецкой богословской наукѣ, особенно у А. Гарнака во II-мъ томѣ его „Учебника по исторіи догматовъ“.

2) „Кому принадлежатъ четвертая и пятая книги Св. Василія Великаго противъ Евномія? („Библіографическая справка)“ въ сентябрьской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1900-й годъ [1]). Статья эта, къ сожалѣнію оставшаяся незаконченной, вызвана была, очевидно, выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія объ этомъ псевдо-василіевомъ произведеніи Ф. Кс. Функа, который пришелъ къ тому же самому выводу объ авторѣ его, какъ и самъ А. А. Спасскій, но естественно расходится съ нимъ въ подробностяхъ аргументаціи. Функъ нѣсколько осложнилъ себѣ задачу доказать принадлежность этого произведенія Дидиму, признавъ не достаточными для этой цѣли приводимыя и имъ параллели съ безспорными сочиненіями Дидима (эти параллели, по мнѣнію Функа [2]), не исключаютъ возможности и такого объясненія, что одинъ изъ этихъ двухъ авторовъ пользовался другимъ) и пытаясь найти у Дидима прямыя ссылки на сохранившійся подъ именемъ св. Василія в. антирритикъ противъ Евномія. Такъ какъ А. А. Спасскій является въ данномъ случаѣ предшественникомъ Функа, слѣдовательно лицомъ наиболѣе компетентнымъ, то для интересующихся патристической литературой IV вѣка было бы чрезвычайно важно знать его отношеніе къ тѣмъ отдѣламъ работы Функа, въ которомъ онъ нѣсколько расходится съ самимъ А. А. Спасскимъ, а также и къ появившимся послѣ (въ 1904—5 гг.) возраженіямъ противъ Функа и отвѣту на нихъ самого Функа. Почему А. А. Спасскій не закончилъ даже этой своей „библіографической справки“, не упомянулъ въ ней даже имени Функа и рѣшительно ничѣмъ не отозвался на послѣдующую полемику по данному вопросу, остается неяснымъ. Но несомнѣнно онъ имѣлъ намѣреніе продолжить свою справку: въ академическомъ экземплярѣ 2-го тома „Церковно-историческихъ сочи-

---

[1]) Стрр. 79—106.

[2]) *Funk*, Abhandlungen, II, 317.

неній и изслѣдованій“ Функа въ статьѣ. „Двѣ послѣднія книги сочиненія Василія в. противъ Евномія“ многія мѣста подчеркнуты или отмѣчены на поляхъ, а на стр. 323, гдѣ Функъ высказываетъ предположеніе, что подлинный антирритикъ Дидима противъ Евномія начинался не такъ, какъ начинается сейчасъ 4-я книга противъ Евномія въ твореніяхъ св. Василія в., рукою А. А. Спасскаго написано: „это вѣроятно“.

3) „Вопросъ о подлинности правилъ Сардикійскаго собора (343 г.) въ современной западной литературѣ“ въ іюньской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1902 годъ въ отдѣлѣ „Библіографіи“ [1]). Статья эта вызвана появленіемъ статей старокатолика *Фридриха* [2]) „Неподлинность каноновъ сардикскихъ“ и англійскаго ученаго *Тернера* [3]): „Подлинность сардикскихъ каноновъ“. О содержаніи этихъ работъ достаточно ясно говорятъ ихъ заглавія, а для объясненія появленія въ свѣтъ изслѣдованія Фридриха достаточно лишь замѣтить, что 3, 4 и 5-й каноны сердикскаго собора предоставили нѣкоторыя права епископу римскому, что̀ естественно непріятно Фридриху, какъ старокатолику. А относительно статьи Тёрнера необходимо замѣтить, что она представляетъ собою разборъ изслѣдованія Фридриха. А. А. Спасскій, изложивъ аргументацію обоихъ ученыхъ, не соглашается ни съ тѣмъ, ни съ другимъ и выставляетъ свою гипотезу о неподлинности не всѣхъ каноновъ „сардикійскаго собора“, а только 3, 4 и 5 каноновъ. По мнѣнію А. А. Спасскаго [4])при его гипотезѣ „вся аргументація, приведенная Фридрихомъ въ доказательство незнакомства папъ IV и начала V вѣка до 417 года съ 3—5 правилами Сардикійскаго собора, остается въ полной своей силѣ. Папы этого періода не знали 3—5 правилъ, но они не могли ихъ не знать, если они существовали; значитъ, обсуждаемыя правила появились позднѣе, но не позже 417 года, когда встрѣчается первое, хотя и неясное, указаніе на

---

[1]) Стрр. 343—383.

[2]) *Friedrich*, Die Unächtheit der Canones von Sardika. Separat—Abdruck aus d. Sitzungsberichten d. philos.—philol. und d. hist. Classe d. Kgl. bayer. Akademie der Wissenschaften 1901, III. München.

[3]) Turner, The genuineness of the Sardican canons. The journal of the theological studies. 1902 Aprill. 370—397.

[4]) Богосл. Вѣстн. 1902, іюнь, стр. 382.

нихъ. Таково заключеніе, къ которому приводитъ разсмотрѣніе вопроса о подлинности этихъ правилъ въ его современномъ положеніи. Давая собой исчерпывающій всѣ затрудненія отвѣтъ на то, почему мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ пользованія 3—5 правилами за 343—417 годы не только во всей остальной церкви, но и у римскихъ папъ, оно также хорошо уясняетъ и тѣ сомнѣнія и недоумѣнія, какія вызвало собой ихъ первое появленіе въ Карѳагенѣ въ 419 году. Пока не произойдетъ какихъ-либо новыхъ открытій, пока аргументація защитниковъ подлинности не измѣнится въ самомъ корнѣ, это заключеніе будетъ имѣть полное право на вниманіе къ себѣ со стороны науки".

Такимъ образомъ, въ этой библіографической замѣткѣ А. А. Спасскій выступаетъ съ самостоятельнымъ научнымъ предположеніемъ. Сама по себѣ его гипотеза едвали можетъ быть признана правдоподобной. Для ея обоснованій нѣтъ фактическихъ данныхъ: не сохранилось ни одной рукописи съ сердикскими канонами, въ которой бы отсутствовали 3—5 каноны, и въ самомъ текстѣ каноновъ нѣтъ никакихъ признаковъ интерполяціи. Да нѣтъ въ сущности и никакой надобности предполагать такую интерполяцію, такъ какъ молчаніе объ этихъ благопріятныхъ для папскихъ притязаній каноны самихъ епископовъ римскихъ стоитъ въ связи съ судьбою самого сердикскаго собора 342—3 года. Соборъ этотъ предполагался какъ вселенскій, но упорное нежеланіе епископовъ востока пересмотрѣть дѣло Аѳанасія в. Маркелла и другихъ низложенныхъ ими епископовъ фактически превратило его въ соборъ только западный. Пока живъ былъ Константъ, рѣшенія этого собора имѣли, правда, силу, и на востокѣ. Но когда—по смерти Константа—Константій сталъ единодержавнымъ императоромъ и добился осужденія Аѳанасія в. и подписи омійскаго вѣроизложенія и отъ западныхъ епископовъ, сердикскій соборъ забытъ былъ и на западѣ до того прочно, что было бы нисколько неудивительно, если бы объ его канонахъ не вспомнили ни Дамасъ, ни Иннокентій 1-й. Вспоминать о соборѣ сердикскомъ неудобно стало къ концу IV вѣка и потому, что кромѣ Аѳанасія в. онъ оправдалъ и Маркелла анкирскаго, который послѣ признанъ былъ еретикомъ. Можно ли было бы удивляться, если бы правила этого собора дѣйствительно, какъ

это выходитъ по Фридриху, всплыли наружу только при Зосимѣ и не подъ своимъ настоящемъ именемъ, а подъ именемъ каноновъ никейскаго собора?—Но въ 1902 и 1905 и подлинность каноновъ сердикскій соборъ—гораздо полнѣе, чѣмъ Тёрнеромъ—доказана была *Функомъ*, и оказалось, что эти каноны несомнѣнно существовали и въ IV вѣкѣ и въ началѣ V в. до Зосима: на нѣкоторыя изъ нихъ ссылаются блаж. Іеронимъ и папа Иннокентій I [1])

Но какъ ни относиться къ гипотезѣ А. А. Спасскаго о „сардикійскихъ“ канонахъ, самая возможность ея появленія свидѣтельствуетъ о томъ, что въ аргументаціи не только Фридриха, но и Тёрнера есть существенные пробѣлы, что вопросъ объ этихъ канонахъ нуждается въ новомъ пересмотрѣ. А главное: самъ А. А. Спасскій нисколько не преувеличивалъ значенія своей гипотезы. „Переходя къ критическимъ замѣчаніямъ касательно изложенныхъ сейчасъ разсужденій Фридриха и Тернера по вопросу о подлинности Сардикійскихъ каноновъ“ говоритъ онъ [2]), „мы еще разъ напомнимъ читателямъ, что не имѣемъ въ виду давать какого-либо окончательнаго рѣшенія поднятаго этими учеными спора. Такая задача потребовала бы не библіографической замѣтки, а спеціальной и обширной диссертаціи и могла бы быть выполнена не иначе, какъ на основаніи изученія рукописныхъ памятниковъ каноническаго права древне-латинской церкви, которое одно только и способно пролить свѣтъ на спорный вопросъ. Наша задача лишь ознакомить людей интересующихся съ современнымъ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ, а потому и наши замѣчанія, вращающіяся въ предѣлахъ уже выдвинутыхъ въ научной литературѣ аргументовъ, должны имѣть условное значеніе“.

3) „Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство“—актовая рѣчь, произнесенная 1 октября 1904 года и напечатанная въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1904 г. декабрь [3]) и 1905 г. январь [4]).—Рѣзкой критикѣ эту статью А. А. Спас-

[1]) См. *F. X. Funk*, Die Echtheit der Kanones von Sardica въ его Kirchengeschiltiche Abhandlungen und Untersuchungen, Band III, SS. 159—217. изъ Historische Jahrbuch, 1902, S. 497—516; 1905, S. 1—18; 255—77.

[2]) Бог. В. 1902, іюнь, стр. 374.

[3]) Стрр. 627—664.

[4]) Стрр. 60—96.

скаго подвергъ профессоръ А. П. Лебедевъ въ появившейся уже по смерти автора на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“ статьѣ: „Константинъ великій, первый христіанскій императоръ († 338 г.). Общій очеркъ“ [1]). Эта статья А. П. Лебедева и именно тотъ отдѣлъ ея, гдѣ онъ критикуетъ взгляды А. А. Спасскаго, безспорно имѣетъ научное значеніе. Не только А. А. Спасскій, но и В. В. Болотовъ находили особую версію разсказа о явленіи креста Константину в. у историка Созомена, и А. А. Спасскій придавалъ этому разсказу особое значеніе, пользовался имъ для критики разсказа Евсевія. Но А. П. Лебедевъ указалъ, что разсказъ Созомена не имѣетъ самостоятельнаго значенія: Созоменъ просто на просто пользовался подлѣ Евсевія и Руфиномъ и помѣстилъ въ своей исторіи на первомъ мѣстѣ сказаніе Руфина, на второмъ—сказаніе Евсевія [2]). Но въ этомъ отношеніи самъ же А. П. Лебедевъ [3]) извиняетъ А. А. Спасскаго тѣмъ, что „та часть“ „исторіи“ Руфина, „которая составляетъ переводъ Евсевіевой исторіи (съ добавками Руфина), имѣетъ мало изданій и не во всѣхъ даже большихъ библіотекахъ имѣется“. Можно думать, что и авторитетъ В. В. Болотова имѣлъ въ данномъ случаѣ въ глазахъ А. А. Спасскаго нѣсколько бо́льшее значеніе, чѣмъ долженъ бы былъ имѣть на дѣлѣ. А между тѣмъ А. А. Спасскій имѣлъ особыя побужденія не только относиться къ В. В. Болотову съ особымъ довѣріемъ, но и включать въ свою работу все, что̀ предоставлялось ему интереснымъ или и прямо въ важномъ въ имѣвшихся у него литографированныхъ лекціяхъ В. В. Болотова. На стр. 29 (отдѣльнаго оттиска) онъ прямо пишетъ: „Мы намѣренно включаемъ въ свою статью все, что мы нашли у Болотова касательно нашего вопроса“. [До сихъ поръ слова Спасскаго приводитъ и А. П. Лебедевъ [4]), но дальнѣйшія опускаетъ]. „Лекціи его едвали увидятъ свѣтъ; между тѣмъ въ нихъ много новыхъ соображеній и оригинальныхъ комбинацій;

---

[1]) Христ. Чтен. 1912 г., іюнь, стрр. 674—697; іюль—августъ, стрр. 821—844. Издана эта статья профессоромъ Н. Н. Глубоковскимъ.—Критика статьи А. А. Спасскаго занимаетъ страницы 684—697 и примѣчаніе на стрр. 811—823.

[2]) Хр. Чт. 1912, іюнь стрр. 692—694.

[3]) Тамъ же, стр. 693, прим. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 685, прим. 6.

приведенныя свѣдѣнія хотя сколько-нибудь помогутъ охранить его обширныя познанія отъ полнаго забвенія". Въ 1904 году изданіе лекцій В. В. Болотова еще не предполагалось. Среди самыхъ почитателей его находились лица, которыя были противъ ихъ изданія, такъ какъ самъ В. В. Болотовъ высказывался противъ посмертныхъ изданій того, что̀ не предназначалось къ печати самимъ авторомъ. И А. А. Спасскій естественно думалъ, что онъ оказываетъ услугу русской наукѣ, сообщая въ своей статьѣ оригинальныя взгляды и выводы В. В. Болотова (какова бы ни была послѣдующая судьба этихъ взглядовъ). Такъ и на стр. 11—12 онъ приводитъ статистическую оцѣнку факта, сообщаемаго у Аѳанасія в. въ Apologia ad Constatiam nn. 15. 16,—оцѣнку, „которой наука обязана исключительно В. В. Болотову". Вообще же о критикѣ А. П. Лебедева, помимо ея слишкомъ рѣзкаго тона, нужно замѣтить, что она касается собственно отношенія А. А. Спасскаго къ разсказу Евсевія о видѣніи креста Константиномъ в. и самаго плана изложенія статьи Спасскаго и не относится къ его работѣ въ ея цѣломъ. Въ чисто научномъ отношеніи значеніе этой работы А. А. Спасскаго не могло быть особенно высоко уже потому, что по этому вопросу существуетъ необычайно обширная литература, и быть оригинальнымъ тутъ очень не легко, если не прямо невозможно. Но съ внѣшней стороны эта актовая рѣчь А. А. Спасскаго обладаетъ тѣми же достоинствами, какъ и другія его работы: прекраснымъ изложеніемъ и возможно-безпристрастнымъ освѣщеніемъ вопроса.

4) „Изъ новыхъ открытій въ области древней церковной исторіи" въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Богословскаго Вѣстника" за 1905 годъ[1]). Въ этой статьѣ приведены (конечно по сообщеніямъ иностранныхъ ученыхъ) и обслѣдованы: 1—2. Два освободительныхъ свидѣтельства (libelli) изъ эпохи гоненія на христіанъ при Деціи Траянѣ. 3. Письмо пресвитера Псеносириса къ пресвитеру Аполлону. 4. Надпись изъ Ариканды, относящаяся ко времени гоненія Максимина Дайи. 5. Надписи, устанавливающія слѣды первохристіанства на греческихъ островахъ. Самостоятельное значеніе имѣетъ заключительный отдѣлъ этой статьи, посвященный

[1]) Бог. Вѣст. 1915 г., окт. стрр. 266—293, нояб. стрр. 394—411.

вопросу о женщинахъ апостольскаго вѣка. Особенный интересъ возбуждаетъ этотъ отдѣлъ потому, что по разсказамъ лицъ, встрѣчавшихся въ послѣдніе годы съ А. А. Спасскимъ, онъ собирался писать особое большое изслѣдованіе о христіанскихъ женщинахъ апостольскаго (и послѣапостольскаго?) времени, пріобрѣлъ даже книги, необходимыя для этой работы, но болѣзнь помѣшала ему приняться за нее, и 11 съ небольшимъ страницъ, посвященныхъ этому вопросу въ ноябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1905 годъ, составляетъ все, что̀ написано по нему А. А. Спасскимъ.

Въ 1906 году вышелъ въ свѣтъ второй большой трудъ А. А. Спасскаго: „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ“ (въ связи съ философскими ученіями того времени). Томъ I й. Тринитарный вопросъ (Исторія ученія о Святой Троицѣ), за которое онъ удостоенъ былъ ученой степени доктора церковной исторіи.

Обширная (652 страницы) работа эта отличается нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ магистерское сочиненіе А. А. Спасскаго. Тамъ А. А. Спасскій не только далъ строгую и справедливую оцѣнку мнимыхъ находокъ Дрэзеке, но сдѣлалъ и самъ цѣнное научное открытіе. Въ „Исторіи догматическихъ движеній“ на 652 страницахъ мы напрасно стали бы искать новыхъ научныхъ тезисовъ съ тѣмъ же приблизительно значеніемъ, какъ высказанныя на страницахъ магистерской диссертаціи гипотеза о Дидимѣ, какъ авторѣ 4-й и 5-й псевдо-василіевыхъ книгъ противъ Евномія. Въ этомъ отношеніи докторское сочиненіе А. А. Спасскаго стоитъ несомнѣнно ниже его магистерскаго сочиненія. „Исторія догматическихъ движеній“ въ сущности не представляетъ собою и научнаго изслѣдованія. Это — скорѣе отдѣлъ по общей исторіи церкви или исторіи догматовъ, чѣмъ изслѣдованіе. Въ выборѣ такой общаго характера темы для докторской диссертаціи сказалась особенность научнаго таланта А. А. Спасскаго, а также и вліяніе на него со стороны его учителя А. П. Лебедева. Какъ и А. П. Лебедевъ, А. А. Спасскій не былъ въ собственномъ смыслѣ историкомъ-изслѣдователемъ. Въ исторіи древней церкви его интересовали вопросы болѣе общаго характера, а не вопросы детальные, на которые онъ мало обращалъ вниманія и съ которыми иногда даже и не умѣлъ справляться надлежащимъ образомъ. По

всей вѣроятности, тутъ А. А. Спасскимъ (какъ и А. П. Лебедевымъ) руководило и желаніе оказать наибольшую пользу русской церковно-исторической наукѣ въ ея наличномъ состояніи. Несомнѣнно, что для тѣхъ русскихъ читателей, которымъ—или по незнанію иностранныхъ языковъ, или по мѣсту жительства — вдали отъ библіотекъ — остается недоступною иностранная церковно-историческая литература, представляютъ своего рода роскошь цѣнныя научныя изслѣдованія по частнымъ вопросамъ исторіи древней Церкви, когда у насъ нѣтъ даже ни путнаго учебника церковной исторіи, ни полнаго изложенія исторіи церкви въ рядѣ отдѣльныхъ сочиненій. Для такихъ русскихъ читателей даже самыя интересныя и важныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія съ новыми научными тезисами оказываются—по бо́льшей части—просто даже непонятными, такъ какъ имъ недостаетъ свѣдѣній, которыя авторами этихъ изслѣдованій предполагаются какъ общеизвѣстныя. А. П. Лебедевъ пытался исчерпать исторію Церкви въ рядѣ отдѣльныхъ монографій, представлявшихъ собою обработку для печати его лекцій. Но онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ ничего, напримѣръ, нѣтъ о распространеніи христіанства, о гностицизмѣ, монтанизмѣ, объ исторіи ученія о Св. Троицѣ въ первые три вѣка. А главное: многія его сочиненія къ 1906 году, уже порядочно устарѣли, далеко не отвѣчали современной разработкѣ даннаго вопроса въ иностранной наукѣ. Что А. А. Спасскій въ своей литературной дѣятельности имѣлъ дѣйствительно въ виду потребности русской читающей публики, показываетъ уже его рѣчь передъ защитою магистерской диссертаціи. Онъ началъ ее такими словами[1]): „Предлагая свое изслѣдованіе о сочиненіяхъ Аполлинарія Лаодикійскаго вниманію вашего просвѣщеннаго собранія, а равно и всей болѣе или менѣе серьезно интересующейся церковно-исторической наукой публикѣ, я наиболѣе смущаюсь той мысли, что первое впечатлѣніе, какое вызоветъ моя книга въ рукахъ любознательнаго читателя, выразится въ невыгодномъ для ея автора чувствѣ недоумѣнія и разочарованія. Я боюсь, что при бѣдности нашей богословской литературы, при недостаткѣ удовлетворительныхъ руководствъ даже по общимъ церковно-

[1]) Богосл. Вѣстн. 1896 г. февраль, стр. 171.

историческимъ вопросамъ и при полномъ отсутствіи обстоятельныхъ изслѣдованій о замѣчательнѣйшихъ отцахъ Церкви, мой трудъ покажется слишкомъ спеціальнымъ, слишкомъ узкимъ, не отвѣчающимъ ближайшимъ потребностямъ нашей отечественной богословской науки. Мнѣ съ полнымъ правомъ могутъ сказать: кто такой Аполлинарій Лаодикійскій, чтобы стоило тратить время и силы на составленіе особой монографіи о немъ, и притомъ не столько о немъ, сколько о сочиненіяхъ его, да еще въ ихъ исторической судьбѣ? развѣ мало въ исторіи другихъ, кромѣ Аполлинарія, болѣе крупныхъ именъ, которыя давно ждутъ себѣ подробнаго и всесторонняго изученія?“

Имѣя въ виду интересы русской читающей публики, А. А. Спасскій въ послѣдующее время выступалъ не только какъ популяризаторъ церковной исторіи, но даже какъ переводчикъ и первоисточниковъ и иностранныхъ сочиненій по исторіи Церкви: въ 1896 году имъ переведено было и снабжено примѣчаніями „Толкованіе на четвероевангеліе“ преподобнаго Ефрема Сирина, а въ 1905—1906 гг. сочиненіе А. Гарнака: „Миссія и распространеніе христіанства въ первыя три столѣтія“. *A. Harnack* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1902 [1]). Переводъ этотъ напечатанъ былъ въ видѣ ряда отдѣльныхъ статей въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, а въ 1907 году вышелъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: *Проф. А. Гарнакъ*, Религіозно-нравственныя основы христіанства въ историческомъ ихъ выраженіи. (Изъ исторіи миссіонерской проповѣди христіанства за первые три вѣка). Переводъ проф. *А. Спасскаго*. Харьковъ, 1907 г.

При такомъ характерѣ ученой дѣятельности А. А. Спасскаго вполнѣ понятно, что онъ не сдѣлалъ того, что сдѣлалъ бы на его мѣстѣ ученый другого направленія, въ духѣ В. В. Болотова: не избралъ предметомъ своей докторской диссертаціи того самаго Дидима александрійскаго, одно изъ сочиненій котораго было имъ открыто. Такая тема напрашивалась для А. А. Спасскаго сама собою, и выполнить такую работу для него, уже разъ заинтересовавшагося Дидимомъ,

[1]) Въ 1906 году этотъ трудъ Гарнакка вышелъ 2-мъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ.

было сравнительно и не трудно. А что работа эта не оказалась бы и безплодною, доказываетъ хотя бы отзывъ В. В. Болотова о сочиненіи А. А. Спасскаго, гдѣ [1]) даются параллели между Дидимомъ и псевдо-аѳанасіевскими діалогами о Св. Троицѣ. А. А. Спасскій лучше, чѣмъ кто-либо другой могъ выяснить, нельзя ли эти діалоги считать принадлежащими Дидиму? Появившіяся въ 1899 г. изслѣдованія Hoss'a и Stülcken'a о твореніяхъ св. Аѳанасія вел. выдвинули новый вопросъ объ авторѣ такъ называемаго 4-го слова противъ аріанъ, приписываемаго Аѳанасію, но ему не принадлежащаго. Въ качествѣ одного изъ возможныхъ его авторовъ самъ Штюллькенъ называетъ Дидима. Словомъ: вопросъ о Дидимѣ представлялъ очень благодарную тему для изслѣдователя. Но А. А. Спасскій не остановился на ней, считая ее, очевидно, слишкомъ спеціальной для нашей науки, не имѣющей еще дѣльныхъ изслѣдованій и о самыхъ знаменитыхъ отцахъ Церкви IV вѣка, а остановился на темѣ, не обѣщавшей научныхъ открытій, но несомнѣнно болѣе отвѣчавшей потребностямъ русскихъ образованныхъ читателей, интересующихся исторіей древней Церкви.

Докторская диссертація А. А. Спасскаго представляетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы 2-е изданіе докторской же диссертаціи А. П. Лебедева: „Вселенскіе соборы IV и V вв.“. Только А. А. Спасскій задумалъ такую работу по гораздо болѣе широкому плану и потому успѣлъ выпустить въ свѣтъ только одинъ I-й томъ ея. Задачею А. П. Лебедева было—освѣтить исторію первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ съ точки зрѣнія борьбы двухъ главныхъ богословскихъ школъ того времени: александрійской и антіохійской. А. А. Спасскій вмѣсто исторіи однихъ только вселенскихъ соборовъ (ограничиться которою не могъ и А. П. Лебедевъ) беретъ всю исторію догматическихъ споровъ этой эпохи со всѣми ея соборами и пытается освѣтить ее не только со стороны вліянія богословскихъ школъ, но и со стороны воздѣйствія на богословскую мысль философскихъ направленій того времени (до нѣкоторой степени отражавшихся, впрочемъ, и на богословскихъ школахъ) и вообще со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. При такой широкой постановкѣ дѣла

[1]) Христ. Чт. 1908, октябрь, 1416—1417.

и одинъ только появившійся I-й томъ изслѣдованія А. А. Спасскаго превысилъ больше, чѣмъ вдвое, „Вселенскіе соборы“ А. П. Лебедева.

Исторіи богословскихъ споровъ IV вѣка, составляющей главное содержаніе докторскаго сочиненія А. А. Спасскаго, онъ предпослалъ въ качествѣ введенія не претендующій на самостоятельное научное значеніе, но очень содержательный очеркъ исторіи ученія о Св. Троицѣ въ первые три вѣка. Такой очеркъ не въ первый разъ появляется въ Россіи. Замѣчательный по основательности и научному безпристрастію такой же очеркъ далъ и В. В. Болотовъ въ своей магистерской диссертаціи: „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“. Но не говоря уже о томъ, что книга В. В. Болотова вышла въ 1879 году, на 27 лѣтъ раньше книги А. А. Спасскаго, и за этотъ періодъ времени въ западной наукѣ сдѣлано не мало для уясненія исторіи ученія о Св. Троицѣ въ II—III вв., очеркъ исторіи этого ученія былъ совершенно необходимъ для А. А. Спасскаго, такъ какъ безъ него остается неяснымъ самый смыслъ тринитарныхъ споровъ IV вѣка. Сверхъ того у А. А. Спасскаго (какъ потомъ и у А. П. Орлова въ его книгѣ: „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго“) въ отличіе отъ ранѣе появившихся такихъ же очерковъ въ Россіи (не исключая и очерка В. В. Болотова) и исторія ученія о Св. Троицѣ первыхъ 3-хъ вѣковъ ставится въ связь съ философскими воззрѣніями того времени, указывается, напримѣръ, (вслѣдъ за другими учеными) на зависимость Тертулліана отъ стоиковъ.

Въ цѣломъ книга А. А. Спасскаго, если не предъявлять къ ней слишкомъ высокихъ научныхъ требованій, не искать въ ней новыхъ научныхъ тезисовъ, представляетъ собою весьма цѣнное пріобрѣтеніе для нашей церковно-исторической науки и могла бы занять почетное мѣсто и въ наукѣ иностранной. Она представляетъ собою такое полное, основанное на широкомъ знакомствѣ съ новѣйшей церковно-исторической литературой и съ самыми первоисточниками, изложеніе исторіи ученія о Св. Троицѣ въ II—IV вв., кончая II-мъ вселенскимъ соборомъ, какого нѣтъ не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ. Книга А. А. Спасскаго больше чѣмъ вдвое превосходитъ по объему цѣнное спеціальное изслѣдованіе объ аріанствѣ англичанина Гуоткина, и имѣетъ предъ

нимъ и то преимущество, что излагаетъ болѣе подробно исторію ученія о Св. Троицѣ въ доникейскій періодъ и ставитъ богословскіе споры въ связь съ философскими ученіями. Кромѣ того на Западѣ исторія ученія о Св. Троицѣ излагается довольно подробно въ „Исторіяхъ догматовъ“, но тутъ, въ отличіе отъ А. А. Спасскаго, обычно мало обращается вниманія на фактическую исторію богословскихъ споровъ IV вѣка.

Но главнымъ достоинствомъ докторскаго сочиненія А. А. Спасскаго, какъ и бо́льшей части другихъ его работъ, нужно признать свойственный ему, какъ немногимъ, истинно научный тактъ, умѣнье стать на вѣрную точку зрѣнія въ важнѣйшихъ вопросахъ, не взирая ни на какіе авторитеты и школьныя традиціи. Ученикъ и большой почитатель своего предшественника по каѳедрѣ А. П. Лебедева, А. А. Спасскій не является однако горячимъ защитникомъ его взглядовъ на исторію аріанства и даетъ этой исторіи освѣщеніе совершенно отличное отъ того, какое далъ ей А. П. Лебедевъ въ книгѣ „Вселенскіе соборы IV и V вв.“. Его взглядъ на аріанское движеніе больше напоминаетъ взглядъ В. В. Болотова, чѣмъ взглядъ А. П. Лебедева. Нужно замѣтить, что книга А. А. Спасскаго не была первою книгою по исторіи догматическихъ споровъ IV вѣка послѣ книги А. П. Лебедева „Вселенскіе соборы“. Въ 1890 году въ Петроградѣ вышла, написанная подъ руководствомъ В. В. Болотова, книга В. Н. Самуилова: „Исторія аріанства на латинскомъ Западѣ (357—430)“, гдѣ—впервые въ русской литературѣ—дается раздѣльное изложеніе богословскихъ системъ трехъ главныхъ антиникейскихъ партій: строго-аріанской или аномійской, болѣе умѣренной или омійской и, наконецъ, самой близкой къ православію, совсѣмъ не еретической въ основѣ, оміусіанской. До сихъ поръ въ русской церковно-исторической литературѣ оміи обыкновенно не отличались отъ оміусіанъ: и тѣ и другіе обозначались, заимствованнымъ у св. Епифанія, терминомъ „полуаріанъ“ и причислялись, конечно, къ разряду еретиковъ. Вслѣдствіе этого самый смыслъ событій на Востокѣ въ срединѣ IV вѣка, начиная особенно съ 357 года, представлялся совершенно неяснымъ. В. Н. Самуиловъ впервые ввелъ въ нашу науку терминъ „оміи“, представляющій собою передачу въ итацистической формѣ давно принятаго

у нѣмцевъ: „Homöer“ и обозначающій ту среднюю аріанскую партію, которая одержала верхъ надъ всѣми другими въ 359—360 гг. и опиралась на никео-аримино-константинопольскую формулу, подписи которой вожди этой партіи Урсакій, Валентъ и Акакій путемъ интригъ добились сначала отъ депутатовъ какъ ариминскаго, такъ и селевкійскаго соборовъ 359 года, а потомъ и отъ всего ариминскаго собора и отъ вождей оміусіанской партіи. Терминъ „омій“ не встрѣчается у древнихъ авторовъ, но онъ точно обозначаетъ эту аріанскую партію, которая признавала Сына Божія „подобнымъ“ Отцу „по писаніямъ“, ὅμοιον κατὰ τὰς γραφάς, — безъ всякихъ точнѣйшихъ опредѣленій, что̀ давало возможность, державшимся дѣйствительно аріанскихъ убѣжденій, вождямъ этой партіи понимать это подобіе въ смыслѣ подобія по волѣ. Для В. Н. Самуилова омійская партія представляла особый интересъ, такъ какъ представители аріанства на Западѣ — за немногими исключеніями—принадлежали именно къ этой группѣ. Но Самуиловъ попытался сдѣлать больше того, къ чему обязывала его его тема: онъ захотѣлъ найти источникъ догматическихъ воззрѣній оміевъ и нашелъ его въ письмѣ Арія къ Александру александрійскому, а главнымъ образомъ въ твореніяхъ Евсевія кесарійскаго. Онъ далъ тщательную свѣрку важнѣйшихъ положеній омійскихъ системъ съ твореніями Евсевія и нашелъ возможнымъ выставить тезисъ, что именно Евсевій кесарійскій былъ „главою оміевъ“. Подтвержденіе этого положенія онъ нашелъ въ сохранившемся у Ѳеодорита посланіи на востокъ иллирійскаго собора 370 (375?) года и въ автографѣ аріанскаго западнаго епископа Максимина. Рѣзкой критикѣ подвергъ этотъ тезисъ Самуилова А. П. Лебедевъ въ статьѣ „Мысли и чувства по поводу одного русскаго открытія въ области науки древней церковной исторіи“ въ майской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892-й годъ, вызвавшей основательный „Отвѣтъ“ Самуилова на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“ (1892 г., сентябрь—октябрь). А. П. Лебедевъ отвѣтилъ Самуилову статьей „Ошибка“ въ ноябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“, чѣмъ и окончилась эта — очень неудачная для А. П. Лебедева — полемика. Какъ это и обыкновенно бываетъ у насъ, эта полемика закончилась въ сущности ничѣмъ, не дала особенно цѣнныхъ результатовъ для науки. Каждая сторона

осталась при своихъ убѣжденіяхъ (не особенно даже и ясныхъ); а изъ постороннихъ лицъ никто не взялся за перо. А. П. Лебедевъ допустилъ несомнѣнно ту „ошибку“, что попытался свести къ нулю найденныя В. Н. Самуиловымъ прямыя свидѣтельства, что западные оміи сослались на Евсевія, какъ на авторитетъ, и потерпѣлъ неудачу. Но это не значитъ, что и В. Н. Самуиловъ былъ безусловно правъ въ томъ, что Евсевій былъ главою оміевъ. Это положеніе Самуилова нашелъ нужнымъ ограничить въ своемъ отзывѣ о его магистерскомъ сочиненіи и В. В. Болотовъ. Этотъ „важный тезисъ“, по его мнѣнію, „или требуетъ аргументовъ болѣе вѣскихъ, или допускаетъ и иное освѣщеніе“. По моему мнѣнію, Самуиловъ былъ правъ по существу дѣла, но онъ неправильно формулировалъ свой тезисъ. Главою оміевъ Евсевій кесарійскій не могъ быть просто потому, что онъ умеръ не позже 340 года, тогда какъ омійская партія образовалась въ 358—360 гг. Но такъ какъ дѣйствительнымъ вождемъ оміевъ былъ ученикъ и преемникъ по каѳедрѣ Евсевія Акакій кесарійскій, то сравненіе омійскихъ системъ съ системою Евсевія только и могло привести Самуилова къ тому выводу, что эти системы совпадаютъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, и Евсевій былъ и для Акакія несомнѣннымъ, но не единственнымъ авторитетомъ.

Книга Самуилова вызвала появленіе неоконченной къ сожалѣнію, но значительной по объему (118 страницъ) и содержательной статьи самого В. В. Болотова: „Либерій, епископъ римскій, и сирмійскіе соборы. (Четверть часа магистерскаго коллоквіума 8 октября 1890 года, дополненная и разъясненная)“. Статья эта печаталась сначала на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“ за 1891-й годъ, а отдѣльнымъ оттискомъ вышла, какъ 1-й выпускъ, въ 1893 году. Посвященная спеціальному вопросу о томъ, какое сирмійское вѣроизложеніе подписалъ Либерій, статья эта содержитъ и важныя общія положенія относительно аріанскихъ партій IV вѣка. Съ совершенною опредѣленностію и В. В. Болотовъ (какъ и Самуиловъ) выставляетъ то положеніе, что Василій анкирскій, глава партіи оміусіанъ, не былъ аріанинъ, а былъ только „человѣкомъ, прошедшимъ старую школу богословскаго образованія, основаннаго на трудахъ Оригена и его послѣдователей“.—Свои взгляды на исторію аріанства, далеко

не во всемъ совпадавшіе со взглядами А. П. Лебедева, В. В. Болотовъ излагалъ и въ своихъ лекціяхъ, которыя въ литографированномъ видѣ были доступны и А. А. Спасскому.

У В. В. Болотова и В. Н. Самуилова мы и встрѣчаемъ впервые изложеніе тѣхъ же въ существѣ дѣла взглядовъ на исторію аріанства, подробное обоснованіе котораго далъ А. А. Спасскій въ своей докторской диссертаціи.

И въ западной наукѣ 27 лѣтъ, раздѣляющіе выходъ въ свѣтъ докторскихъ сочиненій А. П. Лебедева и А. А. Спасскаго, не прошли безслѣдно для исторіи церкви IV вѣка. Особенную цѣнность имѣютъ (помимо вышедшей еще въ 1867 году, но оставшейся неизвѣстною А. П. Лебедеву книги *Т. Цана*, Маркеллъ анкирскій) книга англичанина *Гуоткина*, „Этюды объ аріанствѣ“ (*H. M. Gwatkin*, Studies of Arianism, 1-е изданіе 1882 г., 2-е—1900 г.) и соотвѣтствующіе отдѣлы въ „Учебникѣ исторіи догматовъ“ *А. Гарнакка* и въ Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte *Ф. Лоофса* (4-е изданіе 1906 г.).

Самый важный вопросъ исторіи догматическихъ споровъ IV вѣка, составляющій центръ тяжести и въ книгѣ А. А. Спасскаго, есть вопросъ о причинахъ антиникейской реакціи. Не рѣшивъ его, невозможно понять смысла событій исторіи IV вѣка. На никейскомъ 1-мъ вселенскомъ соборѣ ученіе Арія было осуждено почти единодушно всѣми его членами. Даже такіе покровители Арія, какъ оба Евсевія: никомидійскій и кесарійскій, какъ Ѳеогній никейскій, Маріи халкидонскій, Минофантъ ефесскій, Ѳеодотъ лаодикійскій, Наркиссъ нероніадскій и Патрофилъ скиѳопольскій, подписали и никейскій символъ съ его анаѳематизмомъ на аріанскія положенія и (исключая, можетъ быть, только Евсевія никомидійскаго и Ѳеогнія никейскаго) и самое изложеніе Арія, котораго они раньше такъ энергично защищали. Вѣрными Арію остались только два его египетскихъ единомышленника: Ѳеона мармарикскій и Секундъ птолемаидскій. Но это торжество православія было кратковременно. Спустя какихъ-нибудь 3 года послѣ никейскаго собора Арій, Евсевій и Ѳеогній возвращаются изъ ссылки, постигшей ихъ вслѣдъ за соборомъ, и затѣмъ Евсевій никомидійскій пріобрѣтаетъ снова сильное вліяніе при дворѣ Константина и—въ сотрудничествѣ съ Евсевіемъ кесарійскимъ и другими единомы-

шленниками—начинаетъ интриги противъ выдающихся вождей православія на востокѣ. Подъ разными предлогами всѣ выдающіеся борцы противъ аріанъ на востокѣ сгоняются со своихъ каѳедръ, а мѣсто ихъ занимаютъ единомышленники обоихъ Евсевіевъ. Одной изъ первыхъ жертвъ евсевіанскихъ интригъ падаетъ св. Евстаѳій антіохійскій. Много хлопотъ стоило евсевіанамъ удалить изъ Александріи новаго александрійскаго архіепископа, преемника умершаго въ 328 году св. Александра, Аѳанасія в. Но и онъ въ концѣ концовъ былъ низложенъ и отправленъ въ ссылку. По смерти Константина великаго (337 г.) его старшій сынъ Константинъ II возвратилъ было изъ ссылки Аѳанасія в. и другихъ сосланныхъ по интригамъ евсевіанъ епископовъ. Но восточный императоръ Константій очутился на сторонѣ евсевіанъ, и Аѳанасій в. въ 339 году снова вынужденъ былъ удалиться изъ Александріи и искать себѣ защиты на западѣ. При этомъ императорѣ восточные епископы осмѣлились сдѣлать то, на что̀ не рѣшались при Константинѣ: собравшійся въ 341 году въ Антіохіи соборъ при обновленіи антіохійскаго храма издалъ нѣсколько формулъ вѣры въ замѣнъ никейскаго символа. Западный императоръ, младшій сынъ Константина в., Констанъ оказалъ покровительство Аѳанасію. Созванный имъ въ 342 или 343 году соборъ въ Сердикѣ оправдалъ Аѳанасія в. и Маркелла анкирскаго, и Аѳанасій в. снова съ торжествомъ возвратился въ Александрію. Но по смерти Константа (въ 350 г.) снова начались интриги евсевіанъ. рѣшившихся, при помощи Константія, сдѣлавшагося вскорѣ единодержавнымъ императоромъ, сломить сопротивленіе даже и западныхъ епископовъ. Къ концу царствованія Константія какъ будто вся римская имперія стала аріанскою: всѣ представители православія или пали, подписавъ аріанскія вѣроизложенія, или находились въ ссылкѣ. По смерти Константія (361 г.) при язычникѣ Юліанѣ и затѣмъ при православномъ Іовіанѣ положеніе православныхъ улучшилось. Но восточный преемникъ Іовіана Валентъ снова очутился на сторонѣ аріанъ („оміевъ“) и продолжалъ политику Константія. Это господство аріанъ, включая и перерывы, продолжались около 50-ти лѣтъ. Конецъ ему положила, послѣдовавшая въ 378 году, смерть Валента и вступленіе на престолъ въ 379 г. испанца Ѳеодосія в. Въ такомъ мрачномъ свѣтѣ представляется исто-

рія церкви IV вѣка по семинарскому учебнику и другимъ старымъ книгамъ по исторіи церкви.

Чѣмъ же объясняется это видимое торжество аріанъ въ теченіи около полустолѣтія? — Книга А. П. Лебедева „Вселенскіе соборы“ не давала на этотъ вопросъ никакого отвѣта. А его теорія, что аріанство было порожденіемъ антіохійской богословской школы, страдала односторонностію.

А. А. Спасскій раздѣляетъ и подробно обосновываетъ тотъ правильный взглядъ, что большинство епископовъ востока, боровшихся противъ никейскаго символа и его приверженцевъ, не были аріанами. Это были богословы консерваторы, которые предпочитали довольствоваться старыми богословскими формулами, и которымъ никейскій символъ съ его терминами ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιον казался ненужнымъ и даже подозрительнымъ въ богословскомъ смыслѣ. „Основная причина протеста противъ никейскаго собора“ — говоритъ А. А. Спасскій [1]) — „заключалась въ томъ, что большинство епископовъ Востока — даже изъ числа тѣхъ, которые лично присутствовали на соборѣ, — въ тайникахъ своего сердца остались недовольными догматическими его опредѣленіями. Въ своемъ символѣ вѣры соборъ пошелъ дальше, чѣмъ позволялъ то богословскій кругозоръ этого большинства. Его точныя, исчерпывающія догматъ, формулы опередили собой богословскую науку того времени, прервали нормальный ходъ религіознаго развитія въ христіанскомъ обществѣ и, потому, оказались черезчуръ новыми, непріятно рѣжущими непривычное къ нимъ ухо. — Настроеніе большинства епископовъ на Востокѣ было строго консервативнымъ“.

Выяснивъ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ же случилось, что это консервативное большинство подписало въ 325 году никейскій символъ съ его терминомъ ὁμοούσιος, А. А. Спасскій [2]) пишетъ:

„По возвращенія епископовъ въ свои города тѣ исключительныя условія, при какихъ они подписывали никейскій символъ, перестали для нихъ существовать. Обаяніе внѣшней обстановки собора разсѣялось; страшившее раньше нечестіе аріанства исчезло“; [Арій принесъ вѣдь—въ 327—8 г.—

---

[1]) Стр. 243.
[2]) Стр. 246.

притворное покаяніе] „полемическіе мотивы, во имя которыхъ принято было слово ὁμοούσιος, потеряли силу. Раздумье о дѣлѣ никейскомъ охватывало душу епископовъ, и чѣмъ рельефнѣе сталъ выдѣляться предъ ними положительный смыслъ символа, тѣмъ сильнѣе дѣлалась тревога совѣсти. Нашему времени нельзя представить себѣ то, какія смущенія должно было вызывать въ умѣ дорожившихъ стариной вѣрующихъ IV-го вѣка слово: ὁμοούσιος. Имъ недовольны были ни философы, ни начетчики въ области древней письменности, ни простецы по вѣрѣ. Для философски развитыхъ людей оно казалось слишкомъ реальнымъ, тѣлеснымъ, вносящимъ матеріальныя представленія въ отношенія существъ высшихъ и духовныхъ; сказать, что Сынъ единосущенъ Отцу, по ихъ понятіямъ, значило тоже, что назвать Его сематеріальнымъ Отцу. Въ сердца же болѣе обыкновенныхъ смертныхъ оно вселяло какое-то мистическое предубѣжденіе противъ себя; богодухновенный языкъ не зналъ этого слова; въ церковной письменности оно почти не встрѣчалось; наиболѣе часто имъ пользовались еретики для искаженія вѣры. Что же касается до общаго мнѣнія о немъ древнихъ отцовъ, то оно было ясно высказано устами большого антіохійскаго собора, происходившаго на памяти старшаго поколѣнія современниковъ и рѣшительно осудившаго употребленіе этого слова“ [А. А. Спасскій имѣетъ здѣсь въ виду соборъ около 268 года, осудившій Павла самосатскаго]. „И вотъ теперь это подозрительное слово, напоминавшее всегда о лжеученіи Савеллія, поставлено знаменемъ православія. Оставалась ли чистою вѣра предковъ? Послѣдовавшія за никейскимъ соборомъ событія одно за другимъ стали подтверждать эти опасенія———(стр. 247).———Только пять лѣтъ прошло послѣ собора, а уже Евстаѳій антіохійскій, одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ слова ὁμοουσιος, быть можетъ предсѣдательствовавшій на никейскомъ соборѣ, былъ отправленъ въ ссылку и отправленъ осужденный соборомъ за савелліанство! Не всякій могъ критически разобраться въ томъ, насколько правильно произнесенъ приговоръ надъ Евстаѳіемъ, но и тотъ, кто давалъ себѣ отчетъ въ этомъ, не освобождался отъ всѣхъ сомнѣній. Если Евстаѳій былъ только подозрителенъ, то Маркеллъ анкирскій, дѣйствовавшій съ нимъ на соборѣ заодно, не вызывалъ никакихъ колебаній; его савелліанство было несомнѣнно.

Паника овладѣла Востокомъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ подлинное ученіе Маркелла. Паденіе Маркелла можно сказать уронило здѣсь послѣднія опоры никейскаго символа———(стр. 248).—Чего же еще ждать отъ никейскаго символа—думалось восточнымъ,—когда на почвѣ его могутъ развиваться заблужденія, подобныя маркелловскимъ? Если въ свое время этотъ символъ и былъ полезенъ для борьбы съ аріанствомъ, то теперь, когда аріанство осуждено всей церковью и исчезло, онъ сдѣлался не только излишенъ, но и прямо вреденъ для вѣры. И вотъ всѣ епископы, не осуждая прямо никейскаго символа, который былъ все же дѣломъ ихъ рукъ, спѣшатъ на новые соборы, составляютъ цѣлую кучу новыхъ символовъ и ими стремятся парализировать вліяніе никейской формулы. — Такимъ образомъ, въ своей первоосновѣ борьба противъ никейскаго символа рождалась изъ чистаго источника. Она поднята была не во имя аріанства и не ради него. Протестуя противъ никейскихъ опредѣленій, восточные епископы руководствовались возвышеннымъ и достойнымъ ихъ сана мотивомъ — охранить вѣру въ той неприкосновенности, какъ она получена отъ древности, изъять изъ нея всѣ нововведенія. Они стояли, поэтому, не на аріанской и вообще не на еретической почвѣ, а на почвѣ консервативной и строго церковной. Въ своей главной массѣ они были людьми православными, держались чистыхъ догматическихъ убѣжденій, только выражали ихъ иными словами, чѣмъ никейскій символъ".—„Чтобы убѣдиться въ этомъ",—говоритъ А. А. Спасскій въ примѣчаніи (стр. 248)—„достаточно припомнить, что изъ круга этихъ консерваторовъ вышли такіе извѣстные церковные дѣятели второй половины IV вѣка, какъ Кириллъ іерусалимскій, Василій Великій, Мелетій антіохійскій, предсѣдатель 2-го вселенскаго собора и др."—„Ихъ протестъ"—говоритъ онъ далѣе въ текстѣ (стр. 249)—„столько же направлялся противъ никейскихъ опредѣленій, сколько и противъ аріанства, осужденіе котораго, произнесенное въ Никеѣ, признавалъ весь Востокъ. При всей многочисленности формулъ, вышедшихъ изъ-подъ пера реакціонеровъ, въ нихъ нельзя найти ни одного тезиса, родственнаго аріанству; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ въ нихъ легко можно указать прямое или косвенное порицаніе и осужденіе аріанства. Вмѣстѣ съ этимъ выводомъ относи-

тельно основной причины антиникейской реакціи для насъ измѣняется и та точка зрѣнія, съ какой мы должны оцѣнивать событія церковной жизни, совершившіяся на пространствѣ между первымъ и вторымъ вселенскими соборами. Эти событія, очевидно, не только не были позоромъ для церкви, какъ то часто утверждаетъ протестантская исторіографія, а, наоборотъ, представляютъ собою одно изъ тѣхъ великихъ историческихъ движеній, созерцаніе которыхъ способно дать высшее эстетическое наслажденіе. Они — эти событія — наглядно показываютъ, съ какою чуткою осмотрительностію, съ какою осторожностію церковь устанавливала свои догматическія опредѣленія. Она не смотрѣла на нихъ, какъ на какой-нибудь парламентскій законодательный актъ, для обязательности котораго достаточно большинства нѣсколькихъ голосовъ. Постановленія никейскаго собора она подвергла общей свободной критикѣ, провѣрила ихъ показаніями отдѣльнаго индивидуальнаго вѣросознанія каждаго христіанина, и не прежде приняла его формулу, какъ исчерпавши всевозможныя возраженія противъ нея. И обозрѣвая всѣ треволненія, пережитыя церковью (стр. 250) въ періодъ борьбы за никейскій символъ, мы можемъ повѣрить, что та формула, которая невредимо прошла сквозь всю эту бурю сомнѣній и отрицанія и побѣдила ихъ, поистинѣ достойна того, чтобы навсегда остаться непоколебимымъ знаменемъ [1]) вѣры церкви“ [2]).

Если въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ здѣсь и чувствуется излишнее увлеченіе, если въ дѣйствительности борьба противъ никейскаго символа далеко не у всѣхъ епископовъ Востока исходила изъ чистыхъ побужденій, если въ ряду самыхъ вождей антиникейской оппозиціи мы встрѣчаемъ и настоящихъ, хотя и скрытыхъ, аріанъ, если и самая подозрительность восточныхъ въ отношеніи къ никейскимъ терминамъ возбуждена была именно этими скрытыми аріанами, каковы оба Евсевія и ихъ сподвижники, то въ отношеніи къ большинству епископовъ Востока, какъ доказываютъ событія начиная съ 358 года, взглядъ А. А. Спасскаго нельзя не признать совершенно правильнымъ. Эти епископы,

---

[1]) Напечатано: „знаменіемъ“.

[2]) Стр. 248—250.

лишь случайно очутившіеся въ рядахъ „евсевіанъ“, боролись противъ никейской вѣры и ея поборниковъ не потому, что были аріанами, а потому, что никейскіе термины казались имъ слишкомъ грубыми для выраженія отношенія Сына Божія къ Богу Отцу, а защитниковъ никейскаго символа они подозрѣвали въ савелліанствѣ. Что же касается Арія и его покровителей, то, не раздѣляя сами ихъ дѣйствительныхъ убѣжденій, восточные консерваторы вѣрили въ искренность ихъ обращенія. Но какъ только около 357 года возродилось въ лицѣ Аетія, а потомъ Евномія, чистое аріанство, оно встрѣтило на востокѣ такой же энергичный протестъ, какъ и ученіе самого Арія. — А главное: А. А. Спасскій не отрицаетъ вліяніе на отношеніе восточныхъ епископовъ къ никейскому символу и другихъ побочныхъ причинъ. „Вытекая въ своей первоосновѣ“,—говоритъ онъ [1])—„изъ такого чистаго источника, какъ желаніе сохранить полученную отъ древности вѣру въ полной неприкосновенности, борьба противъ никейскаго символа на практикѣ осложнилась рядомъ другихъ элементовъ, чуждыхъ ей по существу, которые всему антиникейскому движенію придали новую окраску, затемняющему первоначальную чистоту ея“. Такими, осложнявшими борьбу восточныхъ противъ никейскаго символа, элементами А. А. Спасскій считаетъ: 1) настроеніе тогдашняго полуязыческаго—полухристіанскаго общества: для язычника аріанство было ближе и понятнѣе, чѣмъ никейская вѣра; 2) религіозную политику константинопольскаго двора, опиравшуюся, правда, тоже на настроеніе епископовъ Востока, но имѣвшую важное значеніе для внѣшнихъ успѣховъ реакціи [2]).

Ставъ на такую точку зрѣнія въ выясненіи причинъ антиникейской реакціи, А. А. Спасскій оказался въ состояніи — вслѣдъ за В. Н. Самуиловымъ и В. В. Болотовымъ — правильно оцѣнить въ частности и образовавшуюся въ 358-359 году оміусіанскую партію. Св. Епифаній занесъ оміусіанъ въ свой „Панарій“ противъ 80-ти ересей—на 73-мъ мѣстѣ—подъ именемъ „полуаріанъ“, или — точнѣе — „полуаріевъ“—*Ημιάρειοι*. Историки Сократъ и Созоменъ тоже видятъ въ оміусіанахъ одну изъ аріанскихъ группъ. На этомъ осно-

---

[1]) Стр. 250.

[2]) Стрр. 250—261.

ваніи и раннѣйшіе ученые, какъ напр. у насъ въ Россіи А. П. Лебедевъ и А. М. Иванцовъ-Платоновъ, видѣли въ „полуаріанахъ“ тоже еретиковъ, хотя и болѣе умѣренныхъ, чѣмъ аріане. При такомъ взглядѣ исторія церкви IV вѣка и получила ту крайне мрачную окраску, какую она имѣетъ въ учебникахъ и старыхъ книгахъ по церковной исторіи: если и оміусіане были еретиками, то оказывалось, что въ царствованіе Константія рѣшительно весь востокъ былъ въ той или иной мѣрѣ зараженъ аріанствомъ. Однако великіе отцы Церкви IV вѣка: „отецъ православія“ Аѳанасій в., „Аѳанасій запада“ — Иларій пиктавійскій и Василій в., а въ V вѣкѣ Ѳеодоритъ кирскій смотрятъ на оміусіанъ совсѣмъ иначе. Аѳанасій в., въ своемъ сочиненіи „О соборахъ ариминскомъ и селевкійскомъ“, написанномъ тогда, когда ему сталъ извѣстенъ протестъ Василія анкирскаго и его единомышленниковъ противъ 2-й сирмійской формулы и аномійскаго ученія Аетія, обращается къ Василію анкирскому и другимъ оміусіанамъ, какъ къ братьямъ, и старается убѣдить ихъ, что выраженія ὅμοιος κατ' οὐσιαν и ὁμοιούσιος, православные въ основѣ, однако несостоятельны филологически и далеко не такъ ясно выражаютъ православную истину, какъ никейскій терминъ ὁμοούσιος. Иларій пиктавійскій, знавшій лично вождей оміусіанской партіи: Василія анкирскаго, Евстаѳія савастійскаго и Елевсія кизикскаго, называетъ ихъ въ своемъ сочиненіи De synodis „святѣйшими мужами“, sanctissimi viri, и доказываетъ православіе принимаемыхъ и изданныхъ ими формулъ вѣры и самаго термина ὁμοιούσιος. Василій в. повидимому даже самъ былъ раньше (до епископства) въ числѣ оміусіанъ. Съ сподвижникомъ самихъ Василія анкирскаго и Елевсія, Евстаѳіемъ севастійскимъ Василій в.—даже епископомъ—былъ сначала въ очень хорошихъ отношеніяхъ и разошелся съ нимъ только тогда, когда онъ открыто выступилъ въ качествѣ духоборца. Другого вождя оміусіанъ Сильвана, епископа тарсскаго, онъ называлъ „блаженнымъ Сильваномъ“. Этого же Сильвана Ѳеодоритъ называетъ „дивнымъ“ и изображаетъ „мудрымъ, мужественнымъ и дерзновеннымъ борцомъ за апостольскіе догматы“. А одинъ изъ вождей оміусіанской партіи, св. Кириллъ іерусалимскій, вмѣстѣ съ Василіемъ анкирскимъ, Македоніемъ константинопольскимъ и другими виднѣйшими

оміусіанами, низложенный константинопольскимъ соборомъ 360 года, въ 381 году является однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей православія и причисленъ у насъ къ лику святыхъ. Его „огласительныя поученія“, написанныя имъ еще до подписи никейскаго символа, никогда и никѣмъ изъ православныхъ не считались за еретическія, хотя въ нихъ и нѣтъ термина: „ὁμοούσιος“. Поэтому В. Н. Самуиловъ въ своей книгѣ не нашелъ возможнымъ отнести оміусіанъ къ числу аріанскихъ партій. А В. В. Болотовъ прямо писалъ [1]): „Василій анкирскій не былъ аріанинъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ православныхъ того времени, которымъ въ никейскомъ символѣ предложено было больше свѣта и разумѣнія, чѣмъ сколько они могли воспріять“. Вслѣдъ за ними и А. А. Спасскій признаетъ оміусіанъ не аріанами, а православными въ основѣ богословами Востока.

„Такъ какъ лучшіе представители антиникейскаго протеста“, — говоритъ онъ [2]), — „стояли на чисто православной почвѣ, содержали подлинное церковное ученіе, то стремясь дать ему опредѣленность въ противовѣсъ аномэйству, выясняя его съ противоаріанской стороны, они невольно приходили къ тѣмъ же самымъ результатамъ, что и никейскій символъ, и скоро стали замѣчать, что ихъ ученіе и никейское вѣроопредѣленіе по существу тожественны. Значитъ борьба съ аномэйствомъ явилась пробнымъ камнемъ, выдѣлившимъ изъ антиникейской консервативной группы восточныхъ епископовъ ея лучшія церковныя силы, и переходной стадіей, приведшей ихъ къ признанію никейскаго символа [3]).— Выдѣленіе лучшихъ силъ изъ состава антиникейской оппозиціи произошло очень быстро———. Вновь образовавшаяся группа епископовъ получила имя оміусіанъ или подобосущниковъ“ [4])———„въ существѣ дѣла догматическое ученіе оміусіанъ было тожественно съ ученіемъ никейскаго собора, да и по формѣ мало отличалось отъ него. Это съ небольшимъ ограниченіемъ признавалъ за нимъ и самъ Аѳанасій“. Если же оміусіане тѣмъ не менѣе относились отрицательно къ

[1]) Либерій, еп. римскій и сирмійскіе соборы, стрр. 96—97 [=Христ. Чт. 1891, II, 269—270].

[2]) Стр. 368.

[3]) Стр. 369.

[4]) Стр. 373.

никейскому термину *ὁμοούσιος*, то объясненія этому нужно искать", по А. А. Спасскому, „въ смѣшанномъ употребленіи понятій *οὐσία* и *ὑπόστασις*, все еще продолжавшемся на Востокѣ. Основной тенденціей консервативнаго Востока въ теченіе всѣхъ послѣникейскихъ споровъ было стремленіе при вѣрѣ въ единство Божества охранить самостоятельность каждаго Лица Св. Троицы и не дать повода къ савелліанскому сліянію ипостасей. Съ этой точки зрѣнія терминъ *ὁμοούσιος* для большинства восточныхъ епископовъ представлялся неудовлетворительнымъ [1])——— *Ὁμοιούσιος* же гораздо рельефнѣе отмѣчало самостоятельное бытіе Сына рядомъ съ Отцомъ; въ буквальномъ смыслѣ оно говорило не о томъ, что сущность Отца и Сына *одна и та же*, а о томъ, что сущность Сына *такая же*, какъ и сущность Отца,—и только въ дальнѣйшихъ выводахъ необходимо вело къ мысли о единствѣ или тожествѣ ихъ сущности. Насколько терминъ: *ὁμοούσιος* выдвигалъ на первый планъ идею единства сущности въ Отцѣ и Сынѣ и только косвенно указывалъ на ихъ различіе, настолько слово: *ὁμοιούσιος* прежде всего говорило о самостоятельности бытія Сына и Отца и потомъ уже вело къ признанію тожества ихъ сущности. Слѣдовательно разница между никейскимъ ученіемъ и омiусіанскимъ въ лучшей его формѣ заключалась болѣе въ оттѣнкахъ мысли, въ направленіи пониманія, чѣмъ въ существѣ дѣла,—и мы увидимъ далѣе, что съ теченіемъ времени оба эти термина сблизились и какъ бы слились въ одно цѣлое. Окончательную побѣду въ церкви одержалъ терминъ: *ὁμοούσιος*, какъ совершенно правильный съ филологической стороны и болѣе надежный въ догматическомъ смыслѣ, но одержалъ такъ, что въ его общепринятое истолкованіе внесены были элементы, заимствованные изъ омiусіанства" [2]).

---

[1]) Стр. 374.

[2]) Здѣсь А. А. Спасскій имѣетъ, конечно, въ виду извѣстный парадоксъ Гарнакка DG II³ 267=II² 269: „Отецъ оффиціальнаго ученія о Троицѣ, какъ его содержатъ церкви,—не Аѳанасій, и не Василій кесарійскій, а Василій анкирскій". Ср. II³ 250—251=II² 253: „«*Ὁμοούσιος*» въ концѣ концовъ не побѣдило, а [побѣдило] омiусіанское ученіе, которое договорилось съ „*ὁμοούσιος*". Ученіе, которое Осій, Аѳанасій, Евстаѳій и Маркеллъ защищали въ Никеѣ, пало (ist zu Boden gefallen). Пришелъ новый оригенизмъ, который опирался на „«*ὁμοούσιος*»". У А. А. Спасскаго этотъ те-

При такомъ взглядѣ на оміусіанство (не лишенномъ даже нѣкотораго преувеличенія) [1]) А. А. Спасскій не имѣлъ повода заподозривать подлинность переписки св. Василія в. съ Аполлинаріемъ лаодикійскимъ, изъ которой видно, что самъ Василій в. принадлежалъ сначала (еще не будучи епископомъ) къ числу оміусіанъ, такъ какъ склоненъ былъ предпочитать для выраженія отношенія Сына Божія къ Богу Отцу слову: „единосущный“ выраженіе: „неотлично подобный“, ἀπαραλλάκτως ὅμοιος, и признаетъ эту переписку подлинною.

Въ своемъ сочиненіи объ Аполлинаріи А. А. Спасскій оспаривалъ подлинность этой переписки только „по независящимъ обстоятельствамъ“, т. е. по требованію А. П. Лебедева [2]), который, очевидно, опасался, что это можетъ послужить препятствіемъ къ утвержденію А. А. Спасскаго въ степени магистра. В. В. Болотовъ въ своемъ отзывѣ о сочиненіи А. А. Спасскаго [3]) очень остроумно и основательно

зисъ Гарнакка является въ той формѣ, въ какой онъ уже перестаетъ быть парадоксомъ.

[1]) Исходя изъ филологическаго смысла термина ὅμοιος (не „подобный“, а скорѣе: „одинаковый въ смыслѣ тожества или равенства въ извѣстномъ отношеніи“—стр. 371), А. А. Спасскій излагаетъ дѣло такъ, что какъ будто оміусіане (еще не принявшіе никейскаго символа) отличались отъ православныхъ только тѣмъ, что признавали существо Сына не тожественнымъ съ существомъ Отца, но признавали сущность Сына совершенно такою же, какъ сущность Отца, совершенно *равною* ей. Въ дѣйствительности же Василій анкирскій и другіе оміусіане были вѣрными послѣдователями Оригена и въ томъ, что рѣшительно настаивали на томъ, что Сынъ меньше Отца и подчиненъ Ему, и въ этомъ именно неравенствѣ видѣли и самое рѣшительное доказательство ипостаснаго различія между Отцомъ и Сыномъ.—Но А. А. Спасскій самъ же ограничиваетъ себя, когда говоритъ о „разницѣ между никейскимъ ученіемъ и оміусіанскимъ *въ лучшей его формѣ*“.

[2]) См. Отзывъ А. П. Лебедева о кандидатскомъ сочиненіи А. А. Спасскаго: «Аполлинарій лаодикійскій» (по поводу новыхъ изслѣдованій о литературной его дѣятельности). Въ Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи 1890 года, стр. 109: „При дальнѣйшей работѣ автора надъ его сочиненіемъ мы желали бы, чтобы онъ снова пересмотрѣлъ вопросъ о перепискѣ Апполинарія со св. Василіемъ Великимъ“. Ср. стипендіатскій отчетъ А. А. Спасскаго въ Журналахъ Совѣта Моск. Дух. Академіи 1891 годъ, стр. 254.

[3]) Христ. Чтен. 1908, іюль августъ, стрр. 1263—1275, октябрь стрр. 1400—1408.

защищаетъ подлинность спорной переписки; но, какъ оказывается эта защита, составляющая основное содержаніе отзыва, не касалась дѣйствительныхъ взглядовъ А. А. Спасскаго. Тѣ логическіе промахи, которые В. В. Болотовъ отмѣчаетъ у А. А. Спасскаго, объясняются просто тѣмъ, что онъ вынужденъ былъ защищать взглядъ, котораго не раздѣлялъ самъ. Въ 1906 году онъ уже не чувствовалъ себя связаннымъ чьимъ либо требованіемъ или какими-либо опасеніями и высказалъ по этому вопросу [1]) свое дѣйствительное мнѣніе. Научный тактъ не измѣнилъ ему и здѣсь. До извѣстной степени А. А. Спасскій сходится съ В. В. Болотовымъ и въ самой оцѣнкѣ отношенія Василія в. къ Аполлинарію. Дрэзеке видитъ въ перепискѣ между Василіемъ и Аполлинаріемъ только доказательство изъ дружескихъ отношеній и ничего не говоритъ ясно о томъ, какъ отнесся Василій къ тому отвѣту, какой далъ Аполлинарій на его запросъ. Но В. В. Болотовъ основательно предполагаетъ, что отвѣтъ Аполлинарія не могъ удовлетворить Василія, и потому переписка его съ Аполлинаріемъ послѣ этого прекратилась. А. А. Спасскій тоже говоритъ, что „Василій едва ли удовлетворенъ былъ отвѣтомъ Аполлинарія". „Переписка" Василія съ Аполлинаріемъ „представляетъ собой", по его мнѣнію крайне любопытный документъ. Она является какъ бы встрѣчей лицомъ къ лицу двухъ поколѣній никейцевъ—стараго и новаго, и мы можемъ наблюдать ихъ взаимное непониманіе. Аполлинарій по существу дѣла отвѣчаетъ вовсе не на то, о чемъ спрашивалъ его Василій. Для послѣдняго главный интересъ сосредоточивался на различіи ипостасей. Слово *ὁμοούσιος* кажется ему подозрительнымъ именно потому, что оно предполагаетъ (савелліанское) тожество ипостасей———и вслѣдствіе этого онъ вполнѣ резонно съ своей стороны отдаетъ предпочтеніе [2]) термину „подобный до безразличія". Въ своемъ отвѣтѣ Аполлинарій совершенно забываетъ объ этомъ главномъ интересѣ, руководившемъ Василія[-емъ]. Какъ даровитый представитель старшаго поколѣнія никейцевъ, онъ всей душой стоитъ за тожество Лицъ, но это

---

[1]) Стрр. 484—489.

[2]) Такъ, конечно, нужно читать вмѣсто напечатаннаго: ожидаетъ препочтеніе.

тожество у него уже не аѳанасіевское. Послѣднія событія, очевидно, оказали вліяніе и на него, и въ „ταυτότης“ Аѳанасія онъ вноситъ „ἑτερότης“, говоритъ о свойствѣ (ἰδιότης) Отца и свойствѣ Сына: но всѣ его попытки провести болѣе ясное различіе между Лицами Отца и Сына ограничились лишь эффектной, но мало объясняющей игрой словъ: ταυτὸν и ἕτερον, и если онъ въ этихъ цѣляхъ пользуется аналогіей свѣта первоначальнаго и производнаго, то въ концѣ концовъ онъ останавливается опять на тожествѣ, хотя и производномъ“. О прекращеніи переписи между Василіемъ и Аполлинаріемъ А. А. Спасскій однако ничего не говоритъ и думаетъ даже, что „энергичная защита термина „ὁμοούσιος“ и его преимуществъ предъ простымъ „подобіемъ (ὅμοιος)“ со стороны такого авторитетнаго лица, какимъ долженъ былъ являться въ глазахъ Василія Аполлинарій, достигшій тогда уже почтеннаго возраста, не могла не отразиться на дальнѣйшихъ воззрѣніяхъ начинающаго богослова, и въ письмѣ къ Максиму Философу онъ уже становится на сторону слова: единосущный, хотя и истолковываетъ его въ смыслѣ „подобія по сущности“ съ присоединеніемъ понятія „безразличія“ (истолковываетъ, слѣдовательно, не согласно съ Аполлинаріемъ). — Нѣтъ у А. А. Спасскаго и попытки хронологическаго распредѣленія переписки Василія съ Аполлинаріемъ, что̀ отчасти объясняется конечно и тѣмъ, что эта переписка интересуетъ его въ данномъ случаѣ не сама по себѣ, а съ догматической стороны, почему онъ и не говоритъ ничего о письмахъ безъ догматическаго содержанія. Но во всякомъ случаѣ А. А. Спасскій поступаетъ тутъ болѣе научно, чѣмъ тѣ новѣйшіе ученые, которые [1]) на основаніи неправильно понимаемыхъ ими позднѣйшихъ писемъ св. Василія, признаютъ эту переписку его съ Аполлинаріемъ подложною.

Очень обстоятельно и въ общемъ правильно выяснено у А. А. Спасскаго и образованіе наиболѣе вліятельной и долговѣчной изъ аріанскихъ партій, такъ называемой теперь партіи „оміевъ“. Хотя этотъ терминъ и пущенъ былъ въ нашей литературѣ въ ходъ впервые В. Н. Самуиловымъ, а проф. А. П. Лебедевъ (какъ упомянуто выше) отнесся къ

[1]) Какъ Лоофсъ, Вуазенъ и Литцманнъ.—См. примѣчаніе А. И. Брилліантова въ Хр. Чт. 1908, іюль—августъ, стр. 1253.

нему отрицательно, А. А. Спасскій пользуется имъ въ своей книгѣ для обозначенія этой аріанской группы. Здѣсь сказывается опять свойственное ему безпристрастіе. Изученіе первоисточниковъ и литературы вопроса, очевидно, привело его къ убѣжденію, что этотъ новый въ нашей литературѣ терминъ придуманъ совсѣмъ не напрасно, такъ какъ—начиная съ 359—360 года дѣйствительно существовали не двѣ, а три антиникейскихъ группы; и онъ беретъ терминъ, придуманный Самуиловымъ, несмотря даже на то, что онъ былъ забракованъ А. П. Лебедевымъ. Но это не значитъ, что А. А. Спасскій разъясняетъ и тотъ взглядъ Самуилова, что главою оміевъ былъ Евсевій кесарійскій. Объ Евсевіи кесарійскомъ, давно умершемъ ко времени образованія омійской партіи, у А. А. Спасскаго нѣтъ и помину. Происхожденіе и характеръ этой партіи А. А. Спасскій представляетъ иначе, чѣмъ В. Н. Самуиловъ. Не со всѣми подробностями въ характеристикѣ оміевъ, даваемой А. А. Спасскимъ, можно согласиться; но нельзя не признать ее правильной въ существенномъ.

„Выросши въ непримиримой борьбѣ оміусіанъ съ аномэями, новая партія оміевъ"—по А. А. Спасскому [1])—„представляла въ своемъ характерѣ какъ бы родъ уніи или компромисса между двумя этими крайностями и стремилась соединить въ себѣ всѣ выдѣлившіеся изъ реакціи разнородные элементы. Собственно, въ внутренній процессъ раскрытія ученія о второй ипостаси Св. Троицы партія оміевъ не вносила ничего новаго и въ трудномъ вопросѣ времени не дѣлала ни малѣйшаго шага впередъ". До сихъ поръ можно согласиться съ А. А. Спасскимъ вполнѣ. Дѣйствительно партія оміевъ образовалась путемъ компромисса и въ выясненіе спорнаго догматическаго вопроса объ отношеніи Сына Божія къ Богу Отцу ея виднѣйшіе представители намѣренно не вносили ничего: на мѣсто прежнихъ рѣшительныхъ выраженій: ὁμοούσιος, ὁμοιούσιος, ὅμοιος κατ' οὐσίαν, καθ' ὑπόστασιν, κατὰ πάντα или противоположнаго ἀνόμοιος они ставили простое ὅμοιος безъ всякихъ точнѣйшихъ опредѣленій, предоставляя каждому понимать его, какъ ему угодно, и рѣшительно запрещали всякое употребленіе словъ οὐσία и

[1]) Стрр. 409—410.

даже ὑπόστασις въ приложеніи къ божественной природѣ. Но далѣе характеристика вождей омійства у А. А. Спасскаго не совсѣмъ свободна отъ нѣкоторыхъ преувеличеній. „Въ противоположность аномэйству и оміусіанамъ, отстаивавшимъ опредѣленную позицію“,—говоритъ онъ,—„у оміевъ догматическіе интересы отступали на задній планъ. Эта партія состояла изъ людей, не цѣнившихъ глубокія догматическія изысканія и въ точныхъ формулахъ видѣвшихъ не пріобрѣтеніе для вѣры, а лишній поводъ къ словопреніямъ. О епископахъ, стоявшихъ во главѣ оміевъ, всей церкви было извѣстно, что они каждый разъ мѣняли свои убѣжденія, какъ только измѣнялось наличное положеніе дѣлъ. Біографія Урзакія и Валента намъ извѣстна; безпощадные противники никейцевъ, они послѣ сардикійскаго собора признали единосущіе“ [но признали, нужно замѣтить, подъ давленіемъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ: время послѣ сердикскаго собора и до смерти Константа было временемъ торжества защитниковъ никейской вѣры, особенно на западѣ, а Урсакій и Валентъ были епископы западные, изъ провинціи Панноніи], „но потомъ снова перебѣжали въ антиникейскій лагерь, заигрывали съ аномэйствомъ“ [тутъ А. А. Спасскій, кажется, имѣетъ въ виду изданіе 2-й сирмійской формулы; но такъ какъ эта формула сама по себѣ представляетъ документъ только омійскій, а о сношеніяхъ Урсакія и Валента съ дѣйствительными аноміями, Аетіемъ и Евноміемъ, намъ ничего неизвѣстно, то едва ли можно говорить о заигрываніи ихъ съ аномэйствомъ] „и кончили омійствомъ. Евдоксій былъ открытымъ [?] аномэемъ и покровителемъ Аэція“ [покровителемъ Аетія Евдоксій несомнѣнно былъ, но *открытымъ* аноміемъ онъ не былъ], „возмущавшимъ прямолинейностію своихъ воззрѣній всю церковь. Еще безцвѣтнѣе въ догматическомъ отношеніи была личность третьяго вождя оміевъ Акакія кесарійскаго. Ученикъ и преемникъ перваго церковнаго историка Евсевія кесарійскаго, гордившійся знаніемъ всѣхъ его сочиненій, епископъ вліятельнѣйшей церкви на Востокѣ, изящный писатель, покровитель искусствъ и наукъ, Акакій, казалось, самой судьбой былъ приготовленъ къ великимъ дѣламъ въ исторіи, но лживость нравственнаго характера и отсутствіе убѣжденій сдѣлали изъ него только образцоваго интригана, жертвовавшаго всѣмъ ради минут-

наго успѣха. Въ Селевкіи онъ защищалъ аномэйство [?], въ Константинополѣ [въ 360 г.] сталъ оміемъ, при Юліанѣ снова сдѣлался аномэемъ [?], а при Іовіанѣ призналъ единосущіе". [Въ дѣйствительности Акакій ни въ Селевкіи, ни при Юліанѣ не былъ аноміемъ. Онъ былъ, насколько позволяютъ судить о немъ ничтожные отрывки изъ его сочиненій и свѣдѣнія, сообщаемыя о немъ современниками и позднѣйшими историками, вѣрнымъ послѣдователемъ Евсевія кесарійскаго, съ которымъ сближаютъ его даже и нѣкоторыя особенности его характера. При Іовіанѣ Акакій подписалъ никейскій символъ, хотя и не безъ оговорокъ, давъ ему свое толкованіе, по тѣмъ же мотивамъ, по какимъ подписалъ этотъ символъ въ 325 году и его учитель Евсевій кесарійскій: императоръ Іовіанъ объявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ никейской вѣры, и близкой смерти его и воцаренія на его мѣсто на востокѣ покровителя оміевъ Валента въ 363 году никто не могъ предвидѣть. А съ другой стороны не излишне припомнить, что подъ внѣшнимъ давленіемъ и такіе борцы православія, какъ Либерій римскій и даже самъ Осій кордубскій, подписали аріанскіе символы, и вожди оміусіанской партіи въ ночь на 1-е января 360 года подписали омійскую никскую формулу. Поэтому едвали можно согласиться съ дальнѣйшими словами А. А. Спасскаго объ оміяхъ:] „Это были епископы политиканы, ловкіе въ придворныхъ интригахъ, обладавшіе хорошимъ образованіемъ" [все это, конечно, вѣрно] „и большею частію державшіеся свободныхъ воззрѣній на предметы вѣры"-[такіе свободномыслящіе люди едва ли находились между епископами IV вѣка]. „Ихъ единственная цѣль заключалась въ томъ, чтобы, предоставивъ точное рѣшеніе спорнаго вопроса усмотрѣнію каждаго вѣрующаго, создать такую формулу, на которой могло бы сойтись большинство, и такимъ способомъ прекратить давнишніе споры и борьбу". [Что они преслѣдовали, между прочимъ, и такую цѣль, это вѣрно; но нельзя думать, что въ этомъ состояла ихъ единственная цѣль]. „*Внѣшній миръ церкви, купленный цѣною устраненія, а не рѣшенія догматическихъ разногласій*,—вотъ задача, какую ставили себѣ оміи".

Охарактеризовавъ такимъ образомъ оміевъ, А. А. Спасскій не дѣлаетъ попытки выяснить, чѣмъ именно ихъ воззрѣнія отличались отъ воззрѣній оміусіанъ и аноміевъ и не даетъ

никакого изложенія ихъ ученія. Съ его точки зрѣнія, дѣйствительно, объ омійской богословской системѣ не можетъ быть и рѣчи. Но нельзя сказать, чтобы такая задача была невыполнима, и что будто бы даже и вожди омійской партіи не имѣли опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, отличающихъ ихъ и отъ оміусіанъ и отъ аноміевъ. Серьезная попытка изложить систему оміевъ дана уже въ книгѣ В. Н. Самуилова, и А. А. Спасскій могъ бы занять опредѣленную позицію въ отношеніи къ этому опыту: или согласиться съ Самуиловымъ или отнестись къ нему критически.

Въ дальнѣйшемъ [1]) у А. А. Спасскаго очень основательно выяснены причины торжества омійской партіи (помимо причины внѣшней: покровительства ей со стороны императоровъ Константія и Валента): именно безцвѣтность омійскихъ формулъ, дозволявшая понимать ихъ въ различныхъ смыслахъ, и дала оміямъ—временное, но довольно продолжительное—торжество надъ другими партіями. „Почва для утвержденія омійства“—говоритъ А. А. Спасскій—„была подготовлена въ церкви. Споры о Божествѣ Сына Божія тянулись уже болѣе четверти вѣка, но все еще имъ не видѣлось конца— Многіе въ церкви были глубоко убѣждены, что для мира церкви и пользы вѣрующихъ лучше оставить всѣ эти спорные вопросы, сойтись на чемъ нибудь общемъ, неподлежащемъ сомнѣнію, чѣмъ продолжать попытки, въ успѣшность которыхъ было трудно вѣрить. Желаніе мира, требованія покончить пренія начали раздаваться даже изъ среды тѣхъ, которые сами участвовали въ борьбѣ. Съ другой стороны, и опытъ пережитыхъ лѣтъ наглядно показывалъ, что всякая точно формулированная доктрина не можетъ разсчитывать на побѣду въ церкви: аномэйство не имѣло никакихъ опоръ въ церковномъ сознаніи, для возстановленія никейскаго ученія время еще не настало, и никто о немъ“ [разумѣется: на востокѣ] „пока не говорилъ. Даже оміусіанская доктрина, посредствовавшая между никейцами и восточнымъ консерватизмомъ“, [въ существѣ дѣла, конечно, и сами оміусіане, какъ правые оригенисты, были богословами-консерваторами; но такъ какъ самый терминъ *ὁμοιούσιος* представлялъ собою безспорное новшество и изобрѣтенъ былъ по подражанію и

[1]) Стрр. 410—412.

взамѣнъ никейскаго термина: ὁμοούσιος, то опредѣленіе, даваемое здѣсь оміусіанству А. А. Спасскимъ, является до извѣстной степени правильнымъ] „не сумѣла удержаться въ церкви; торжество ея низверглось такъ же быстро, какъ и возникло. Оставалось лишь испробовать болѣе общія формулы и на нихъ попытаться соединить разрознившіеся элементы. На встрѣчу этой потребности и шли оміи со своимъ ученіемъ о подобіи. Отстраняя отъ себя точное рѣшеніе вопроса о существѣ Божіемъ, даже прямо проповѣдуя его неизслѣдимость и запрещая вслѣдствіе этого разсужденія о сущности Божіей, омійская партія въ то же время предлагала такую формулу догмата, которую каждая изъ прочихъ партій могла приспособить къ своимъ собственнымъ воззрѣніямъ. Консервативные элементы Востока, державшіеся въ сторонѣ отъ бурныхъ споровъ, удовлетворены были уже тѣмъ, что ученіе о Сынѣ Божіемъ оміи излагали въ тонѣ благоговѣйномъ и возвышенномъ, пользуясь лучшими выраженіями, взятыми изъ наиболѣе популярныхъ символовъ предыдущей эпохи, и прямо отвергали грубое аномэйство. Въ этомъ отношеніи никское вѣроизложеніе построено было такъ хорошо, что его теоретическую истинность едва ли стали бы оспаривать и сами никейцы. Умѣренныхъ аномэевъ омійство привлекало тѣмъ, что оставляя терминъ: ὅμοιος безъ всякихъ разъясненій, оно давало имъ возможность понимать его въ узкомъ филологическомъ смыслѣ и относить подобіе только къ качествамъ или даже къ одной волѣ, но не къ сущности“ [но нужно замѣтить, что такъ понимали это слово и сами оміи]. „Для оміусіанъ же, многочисленныхъ на востокѣ, было важно то, что оміи не ставили препятствій расширять значеніе основного термина и доводить подобіе до безразличнаго тожества. А главное, посредствуя между всѣми этими партіями, омійская формула сглаживала ихъ взаимныя рѣзкости и давала въ себѣ точку опоры для того, чтобы, устраняя непримиримые элементы каждой партіи въ отдѣльности, всѣхъ ихъ вмѣстѣ держать въ возможныхъ границъ мира“.

Признавъ оміусіанъ не еретиками, а православными въ основѣ богословами и принимая за подлинную переписку св. Василія в. съ Аполлинаріемъ, А. А. Спасскій не имѣлъ побужденій отнестись отрицательно къ установленному впер-

вые *Даномъ* (въ сочиненіи: „Маркеллъ анкирскій“ [1]), вышедшемъ въ 1867 году) различенію двухъ группъ защитниковъ никейскаго символа: 1) старо-никейцевъ, виднѣйшими представителями которыхъ были св. Александръ александрійскій, св. Евстаѳій антіохійскій, Маркеллъ анкирскій, Осій кордубскій и Аѳанасій в. и 2) ново-никейцевъ или младшихъ никейцевъ, вождями которыхъ были св. Мелетій антіохійскій и великіе каппадокійцы: свв. Василій в., Григорій Богословъ и Григорій нисскій. Названіе „новоникейцы“ имѣетъ, по А. А. Спасскому [2]), свои историческія и догматическія основанія. Возникновеніе ново-никейской группы, какъ результатъ распада оміусіанской и омійской партій выясненъ А. А. Спасскимъ очень основательно. Въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ А. А. Спасскій совершенно справедливо отмѣчаетъ, что въ эту группу вошли не одни только бывшіе оміусіане, но не мало и бывшихъ оміевъ: къ числу оміевъ принадлежалъ раньше (до своего перваго низложенія) и самъ первый вождь ново-никейцевъ св. Мелетій антіохійскій. Въ письмѣ св. Василія великаго къ италійскимъ и галльскимъ епископамъ [ер. 92: *Φέρει μέν τινα παραμυθίαν*] поименованы 31 епископъ [не считая самого Василія, имя котораго занимаетъ 3-е мѣсто, послѣ Мелетія (антіохійскаго) и Евсевія (самосатскаго); съ нимъ же—32 епископа], участвовавшіе въ сношеніи съ западомъ. Въ числѣ ихъ А. А. Спасскій насчитываетъ 7 бывшихъ оміевъ, 7—новоникейцевъ [въ смыслѣ, очевидно, епископовъ, не принадлежавшихъ раньше ни къ омійской, ни къ оміусіанской партіи, принявшихъ никейскій символъ до посвященія въ епископы] и только 2-хъ оміусіанъ: Евстаѳія (севастійскаго) и самого Василія великаго. Ядро ново-никейской группы несомнѣнно составили оміусіане, вступившіе въ началѣ царствованія Валента въ общеніе съ Либеріемъ римскимъ; но къ нимъ примкнуло не мало епископовъ, рукоположенныхъ уже—начиная съ 360 года—оміями.

Заслугу ново-никейцевъ А. А. Спасскій видитъ „если не въ изобрѣтеніи, то въ установкѣ и обоснованіи новой терминологіи въ ученіи о Св. Троицѣ, положившей конецъ

---

[1]) *Th. Zahn*, Marcellus von Ancyra. Gotha. 1867.

[2]) Стр. 492.

прежней ея неопредѣленности и всѣмъ вытекавшимъ отсюда недоумѣніямъ". И излагая далѣе [1]) подробно теологію отцовъ-каппадокійцевъ, А. А. Спасскій вноситъ весьма существенныя поправки къ тому, высказанному напр. А. Гарнаккомъ, мнѣнію, что будто бы ученіе каппадокійцевъ ни въ чемъ существенномъ не отличалось отъ ученія оміусіанъ, что терминъ ὁμοούσιος они понимали въ смыслѣ ὁμοιούσιος, что ихъ вполнѣ основательно можно обвинять въ тритеизмѣ, въ ученіи о трехъ Богахъ (хотя и равныхъ по Существу, но существующихъ отдѣльно), хотя тутъ и самъ А. А. Спасскій вдается нѣсколько въ противоположную крайность, приписывая отцамъ-каппадокійцамъ, не исключая даже и Василія великаго, ученіе о нумерическомъ единствѣ Лицъ Св. Троицы. Недостатокъ этого отдѣла книги А. А. Спасскаго заключается въ томъ, что онъ излагаетъ ученіе отцовъ-каппадокійцевъ сразу всѣхъ вмѣстѣ, какъ одну богословскую систему, какъ будто ученіе всѣхъ троихъ было совершенно одинаково во всѣхъ подробностяхъ. Между тѣмъ уже за два года до выхода въ свѣтъ книги А. А. Спасскаго появилось весьма цѣнное изслѣдованіе *К. Холля*, „Амфилохій иконійскій въ его отношеніи къ великимъ каппадокійцамъ" [2]), гдѣ ученіе отцовъ каппадокійцевъ, каждаго въ отдѣльности, о Св. Троицѣ и о Лицѣ Іисуса Христа изложено весьма подробно и обстоятельно. По всей вѣроятности А. А. Спасскій не могъ воспользоваться книгой Холля потому, что VII-я глава его книги была уже напечатана, когда изслѣдованіе Холля увидѣло свѣтъ и дошло до Московской Духовной Академіи.

Излагая исторію 2-го вселенскаго собора, А. А. Спасскій съ надлежащею полнотою говоритъ [3]) о происхожденіи символа этого собора, такъ называемаго теперь никео-цареградскаго, принадлежность котораго тому вселенскому собору оспаривается многими новѣйшими учеными. Здѣсь А. А. Спасскій — помимо довольно обширной иностранной литературы—пользуется преимущественно работами А. П. Лебедева

---

[1]) Стр. 492—567.

[2]) *K. Holl*, Amphilochius von Ikonium in seinem Verhältniss zu den grossen Kappadoziern. Tübingen und Leipzig. 1904.

[3]) Стрр. 588—629.

и во всемъ существенномъ присоединяется ко взглядамъ своего учителя. Не давая чего-либо особенно новаго, этотъ отдѣлъ книги А. А. Спасскаго представляетъ собою новѣйшее и самое полное изложеніе этого важнаго вопроса въ нашей литературѣ.

Въ подробностяхъ можно указать не мало недочетовъ и ошибокъ въ книгѣ А. А. Спасскаго. Есть у него пробѣлы въ изученіи литературы вопроса не только иностранной, но даже русской (нѣкоторыя статьи В. В. Болотова). Есть неправильности не только въ рѣшеніи, но и въ самой постановкѣ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Но можно сказать съ увѣренностію, что А. А. Спасскій такъ и не окончилъ бы своей работы, если бы поставилъ себѣ задачею освободить свою книгу отъ всѣхъ, даже мелкихъ ошибокъ. Къ работамъ такого общаго характера, какъ докторская диссертація А. А. Спасскаго, совершенно невозможно предъявлять тѣхъ строгихъ требованій, какъ къ спеціальнымъ этюдамъ или монографіямъ. И всякій другой на мѣстѣ А. А. Спасскаго надѣлалъ бы ошибокъ не меньше, а по всей вѣроятности гораздо больше, чѣмъ онъ. Задача, какую поставилъ себѣ А. А. Спасскій: изложить исторію ученія о Св. Троицѣ въ связи съ философскими ученіями данной эпохи, въ сущности, едва ли выполнима для одного человѣка. Уже одна новая литература вопроса, хотя исторія церкви начиная съ IV вѣка до самаго послѣдняго времени и находилась въ большомъ пренебреженіи у иностранныхъ ученыхъ, требуетъ массу времени для основательнаго съ нею ознакомленія. Не все въ ней дѣйствительно заслуживаетъ изученія. Есть не мало книгъ, которыя безъ всякаго ущерба для дѣла должны остаться непрочитанными. Но не всегда возможно угадать напередъ, не видавъ самой книги, представляетъ ли она собою дѣйствительный вкладъ въ науку, или же ни къ чему ненужное „повтореніе выше пройденнаго“. Напр., А. А. Спасскій выписалъ въ свою библіотеку, несомнѣнно нужную ему, судя по заглавію, диссертацію *Schladebach*, Basilius v. Ancyra (Lpz. 1898), но она оказалась „компиляціей“, „требующей критическаго отношенія къ себѣ“ [1]). Но и книги по исторіи аріанства съ безспорнымъ научнымъ значеніемъ и довольно многочи-

[1]) Ист. догм. движ., стр. 377, прим. 2.

сленны и—нерѣдко — велики по объему. Но еще больше труда требуетъ ознакомленіе съ самыми первоисточниками по данному вопросу. Патристическая литература IV вѣка такъ обширна, что на одно прочтеніе ея требуются годы, а то и десятилѣтія. Но А. А. Спасскій еще болѣе осложнилъ себѣ задачу, привлекая къ дѣлу философскія системы даннаго времени. Изученіе ихъ требуетъ не только лишняго времени, но и особой подготовки. Имѣя дѣло съ такой обширной литературой, приходится по неволѣ изучать ее не всю, а съ извѣстнымъ выборомъ, при чемъ никто не застрахованъ отъ того, что будетъ оставлено безъ вниманія нѣчто и весьма важное. Безусловной же точности во всѣхъ подробностяхъ въ этомъ случаѣ и совершенно невозможно требовать. Для книги столь обширной и содержательной, какъ докторская диссертація А. А. Спасскаго, ошибокъ у него такъ мало, какъ только это возможно, и почти всѣ онѣ относятся къ вопросамъ второстепеннымъ. По его книгѣ можно изучать исторію ученія о Св. Троицѣ, не опасаясь впасть въ существенно важныя погрѣшности.

Докторская диссертація А. А. Спасскаго была послѣднимъ большимъ самостоятельнымъ трудомъ его. 2-му тому „Исторіи догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ“ не суждено было появиться въ печати. Литературная дѣятельность А. А. Спасскаго не прекратилась по выходѣ въ свѣтъ его докторскаго сочиненія, но заключалась или въ обработкѣ для печати его лекцій, или въ мелкихъ статьяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ статей имѣютъ впрочемъ самостоятельное значеніе.

Въ 1907 году, въ іюльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ [1]) появилась небольшая статья А. А. Спасскаго: „Вѣра въ демоновъ въ древней церкви и борьба съ ними“. Статья эта представляетъ собою плодъ занятій А. А. Спасскаго переводомъ сочиненія А. Гарнакка о распространеніи христіанства. Появленіе ея „вызвано рядомъ новыхъ и интересныхъ наблюденій, сдѣланныхъ“ А. А. Спасскимъ „при болѣе детальномъ изученіи вопроса“ о борьбѣ противъ демоновъ въ древней церкви „и желаніемъ освѣтить его во всей пол-

---

[1]) Стрр. 357—391.

нотѣ, чего не удалось сдѣлать А. Гарнакку и чего онъ не имѣлъ въ виду уже по самой спеціальности своей задачи“ [1]).

Чисто научный интересъ имѣетъ появившаяся въ началѣ 1908 года [2]) статья А. А. Спасскаго: „Пахомій и Ѳеодоръ, первые основатели киновитскаго подвижничества по греческимъ и коптскимъ сказаніямъ (Критическіе наброски)“. Появленіе этой статьи вызвано выходомъ въ свѣтъ книги (магистерской диссертаціи) *И. Троицкаго*, Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества (Сергіевъ посадъ 1907). Вопросъ объ источникахъ исторіи египетскаго монашества, въ частности о жизни основателей тавеннисійской конгрегаціи препп. Пахомія в. и Ѳеодора освященнаго, получилъ особенный интересъ съ опубликованіемъ въ 1889 году французскимъ ученымъ Алемино коптскихъ и арабскихъ житій (фрагментовъ житій на южно-коптскомъ, такъ называемомъ ѳиваидскомъ или саидскомъ, нарѣчіи, не совсѣмъ полнаго житія на мемфисскомъ или богейрскомъ, т. е. сѣверно-коптскомъ нарѣчіи) Пахомія и Ѳеодора. Возникъ вопросъ объ отношеніи этихъ коптскихъ житій къ греческимъ житіямъ этихъ преподобныхъ. Самъ Амелино отдавалъ предпочтеніе найденнымъ имъ коптскимъ житіямъ предъ греческими, и его взглядъ раздѣляли на западѣ Грютцмахеръ [3]), а въ Россіи А. П. Лебедевъ [4]) и архим. Палладій [5]). Но въ 1894 году вышло спеціальное изслѣдованіе о киновитствѣ Пахоміевомъ въ IV вѣкѣ и въ первой половинѣ V в. другого французскаго ученаго Ладэза [6]), который по вопросу о достоинствѣ житій преп. Пахомія пришелъ къ совершенно противоположному выводу: онъ считаетъ первоначальнымъ греческое житіе Пахомія, изданное Болланди-

---

[1]) Бог. В. 1907, іюль, стр. 358, прим.

[2]) Богословскій Вѣстникъ 1908 г. январь, стрр. 53—80, февраль стр. 287—308.

[3]) *Grützmacher.* Pachomius und der älteste Klosterleben. Freiburg und Leipzig 1896.

[4]) Статьи въ Бог. Вѣстникѣ за 1892-й годъ, январь, стрр. 223—258 и апрѣль, стрр. 147—181.

[5]) Арх. *Палладій*, Св. Пахомій великій и первое иноческое общежитіе. Казань. 1889.

[6]) *Ladeuze*, Etude sur Cénobitisme pakhomiene pendant VI-e siècle et la prermie moitié du V-e. Louvain-Paris. 1897.

стами. Этотъ выводъ Ладэза приняли нѣмецъ Шивитцъ [1]) и И. Троицкій, который подвергъ этотъ вопросъ самостоятельному изслѣдованію и по пути отрицанія всякаго научнаго значенія за открытыми Амелино документами пошелъ еще дальше Ладэза. „Но дѣйствительно ли",—спрашиваетъ А. А. Спасскій [2]), — „этотъ отрицательный выводъ въ отношеніи къ коптскимъ источникамъ долженъ быть признанъ окончательно установленнымъ и не нуждающимся ни въ какомъ дальнѣйшемъ подтвержденіи? Правда ли, что будущій историкъ Пахомія и основаннаго имъ киновитства можетъ вполнѣ спокойно отложить коптскіе документы въ сторону и удовольствоваться однимъ греческимъ произведеніемъ неизвѣстнаго автора?" и отвѣчаетъ: „Какъ ни крѣпка стѣна аргументовъ, приведенныхъ въ настоящее время въ защиту оригинальности греческаго житія, все же при ближайшемъ разсмотрѣніи въ ней можно замѣтить не мало брешъ, которыя въ концѣ концовъ приводятъ къ крушенію всей стѣны..."—А. А. Спасскій и ставитъ себѣ задачею пробить эти бреши и выдвигаетъ снова значеніе коптскихъ житій. Онъ прежде всего [3]) опровергаетъ заимствуемый Ладезомъ и Троицкимъ изъ греческаго житія аргументъ, что первоначальное житіе Пахомія было написано на греческомъ языкѣ и приходитъ къ выводу, что житіе это въ дѣйствительности написано было *братьями-переводчиками* „на томъ языкѣ, на какомъ говорилъ Ѳеодоръ и всѣ пахоміевскіе обители" [т. е. на южно-коптскомъ]. А затѣмъ [4]) ставитъ вопросъ: „Гдѣ же нужно искать—первоначальной, написанной подъ руководствомъ самого Ѳеодора: „Жизни Пахомія"? Сохранившіеся до нашего времени и изданные Алемино отрывки изъ ѳивскаго" [т. е. южно-коптскаго] „житія" [изъ житія, написаннаго на языкѣ самого преп. Пахомія]—по мнѣнію А. А. Спасскаго—„слишкомъ малочисленны, бѣдны и неопредѣленны по содержанію, чтобы на основаніи анализа ихъ можно было прійти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію о характерѣ и содержаніи первоначальной

---

[1]) Schiwietz, Das morgenländische Mönchtum. I. B. Mainz. 1904.
[2]) Стр. 58—59.
[3]) Стр. 59—68.
[4]) Стр. 69.

жизни Пахомія. Что же касается мемфисскаго" [сѣверно-коптскаго] „перевода, то уже Алемино и Грюцмахеръ достаточно показали, что и онъ не является точнымъ воспроизведеніемъ первой біографіи Пахомія". Но—по мнѣнію А. А. Спасскаго—„и греческая Vita, изданная Болландистами не можетъ считаться первоначальнымъ источникомъ, исчерпывающимъ всѣ доступныя намъ въ настоящее время свѣдѣнія о личности Пахомія и его дѣятельности. Положеніе изслѣдователя о киновитскомъ монашествѣ при такихъ условіяхъ на первый взглядъ можетъ показаться совсѣмъ безнадежнымъ; на самомъ же дѣлѣ оно не совсѣмъ безпомощно. Важно уже одно то, что наука здѣсь--- располагаетъ двумя пространными изложеніями жизни Пахомія, мемфисскимъ и греческимъ, которыя при всѣхъ ихъ недостаткахъ и обоюдной тенденціозности, все-таки обладаютъ большой научной цѣнностью".

„Ладэзъ и за нимъ И. Троицкій формулируютъ взаимное отношеніе" „мемфисской" и греческой редакцій житій Пахомія и Ѳеодора „такимъ образомъ: „взаимное отношеніе ихъ не можетъ быть характеризовано иначе, какъ только зависимостію одной отъ другой;--- а потому и вопросъ можно ставить только такимъ образомъ: гдѣ въ этихъ источникахъ нужно видѣть родителей и дѣтей, оригиналъ и подлинникъ, копію и передѣлку". Но такая дилемма"—по мнѣнію А. А. Спасскаго—„не оправдывается ни логически, ни исторически. Съ логической точки зрѣнія здѣсь больше умѣстна трилемма, а не дилемма: изъ двухъ данныхъ однородныхъ документовъ каждый можетъ быть оригиналомъ или копіей, или оба вмѣстѣ зависятъ отъ одного третьяго источника" [1])———„Критическіе наброски" А. А. Спасскаго и имѣютъ своею цѣлію доказать, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ „такое именно соотношеніе дѣла", какого не предусматриваетъ дилемма Ладеза — Троицкаго. „Сравненіе греческаго житія съ мемфисской редакціей его показываетъ", — по мнѣнію А. А. Спасскаго — „что авторы ихъ пользовались однимъ общимъ источникомъ, но каждый передавалъ содержаніе его по своему, сообразно съ принятымъ намѣреніемъ". А. А. Спасскій, однако, „не задается цѣлію возстановить

[1]) Стрр. 69—70.

вполнѣ этотъ первоначальный источникъ, хотя указанный" имъ „методъ", по его мнѣнію, „и даетъ--- полную возможность къ осуществленію такого предпріятія"--- Его „намѣреніе---ограничивается желаніемъ познакомить интересующуюся публику съ нѣкоторыми, сдѣланными по совершенно случайному поводу, наблюденіями надъ взаимоотношеніемъ житій Пахомія, подтверждающими высказанный" имъ „тезисъ" [1]).

„Сравненіе греческой и мемфисской редакцій житія Пахомія приводитъ" А. А. Спасскаго „прежде всего къ тому заключенію, что авторъ мемфисскаго житія во многихъ случаяхъ обладалъ болѣе подробными и всесторонними свѣдѣніями о разныхъ событіяхъ изъ жизни Пахомія и Ѳеодора, которой греческій авторъ или обходитъ полнымъ молчаніемъ или передѣлываетъ по своему, искажая ихъ первоначальный смыслъ" [2]).

Приведя далѣе рядъ примѣровъ такихъ умолчаній или искаженій смысла событій изъ жизни препп. Пахомія и Ѳеодора, А. А. Спасскій пишетъ [3]): „Всѣ разсмотрѣнные сейчасъ пункты даютъ возможность наглядно видѣть, что авторъ мемфисской редакціи обладалъ въ отношеніи къ нимъ болѣе точными и всесторонними свѣдѣніями, чѣмъ греческое житіе. Объяснять тутъ излишекъ, наблюдаемый въ мемфисской редакціи по сравненію съ греческой, одною наклонностію коптовъ къ фантазіи---невозможно уже потому, что съ точки зрѣнія исторической критики противъ этого излишка возразить ничего нельзя. Напротивъ———даже мелкія сообщенія коптскаго источника --- находятъ себѣ подтвержденіе и объясненіе изъ совокупности обстоятельствъ того времени. Тезисъ, выставленный Ладезомъ и поддержанный И. Троицкимъ, что мемфисская редакція представляетъ собой только переводъ первоначальнаго греческаго житія, изданнаго Болландистами, поэтому, долженъ быть прямо отвергнутъ, какъ не соотвѣтствующій взаимному отношенію этихъ редакцій, и высказанное нами предположеніе, что оба автора, греческій и мемфисскій, пользуясь однимъ болѣе древнимъ источникомъ, переработывали находившійся тамъ матеріалъ по

---

[1]) Стр. 70.
[2]) Стр. 70.
[3]) Стрр. 79—80.

своему усмотрѣнію, получаетъ значительное подтвержденіе, при чемъ наибольшая историческая вѣрность и полнота по крайней мѣрѣ въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ падаетъ на долю мемфисской редакціи".

Выяснивъ далѣе [1]) рядомъ примѣровъ ту тенденцію, какой руководился авторъ греческаго житія при переработкѣ предлежавшаго ему въ первоначальномъ источникѣ матеріала, А. А. Спасскій указываетъ значеніе коптскихъ источниковъ 1) для выясненія „религіознаго облика Пахомія, его догматическихъ воззрѣній и религіозныхъ чаяній" [2]) и 2) для характеристики отношенія египетскаго монашества къ іерархіи [3]).

Какъ бы ни относиться къ высказываемой въ этой статьѣ А. А. Спасскаго взглядамъ и научнымъ тезисамъ, нельзя не видѣть, что—не смотря на тѣ скромныя задачи, какія ставитъ здѣсь себѣ авторъ—она представляетъ собою настоящій научный этюдъ, съ которымъ должны будутъ считаться всѣ послѣдующіе изслѣдователи исторіи египетскаго киновитскаго монашества и его источниковъ.

Въ томъ же 1908 году А. А. Спасскій напечаталъ въ майской книжкѣ Богословскаго Вѣстника библіографическую замѣтку [4]) о вышедшемъ въ 1907 году 1-омъ выпускѣ лекцій по исторіи древней церкви В. В. Болотова. Довольно обстоятельная замѣтка эта, значительная часть которой посвящена защитѣ бенедиктинцевъ, какъ издателей твореній свв. отцовъ, противъ неодобрительнаго отзыва о нихъ у В. В. Болотова вызвала появленіе въ Христіанскомъ Чтеніи (1908 г. октябрь) замѣтки проф. А. И. Брилліантова. „Къ вопросу о бенедиктинскомъ твореніи свв. отцовъ" [5]).

Послѣдовавшая 14 іюля 1908 года кончина профессора А. П. Лебедева вызвала появленія посвященной его характеристикѣ, какъ церковнаго историка, большой статьи А. А. Спасскаго, „Профессоръ А. П. Лебедевъ. Ученo-литературная дѣятельность его и заслуги въ области церковно-исторической науки. Характеристика его личности, какъ профессора

[1]) Стрр. 287—293.
[2]) Стрр. 294—301.
[3]) Стрр. 301—338.
[4]) Бог. В. 1908 г. май стрр. 116—140.
[5]) Христ. Чт. 1908 г. октябрь стрр. 1365—1378.

и человѣка“ [1]), вышедшей потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Посвященная памяти только что почившаго учителя статья эта естественно выдвигаетъ на первый планъ самыя лучшія стороны въ многочисленныхъ сочиненіяхъ А. П. Лебедева. Однако А. А. Спасскій даже и здѣсь не прячетъ совсѣмъ своей собственной индивидуальности. Излагая довольно подробно содержаніе важнѣйшихъ работъ А. П. Лебедева, онъ дѣлаетъ мѣстами и свои критическія замѣчанія къ нимъ. Напр., упомянувъ о томъ, что „особыя симпатіи“ А. П. Лебедева вызывала „личность перваго христіанскаго императора“ Константина великаго и „защитѣ идеальныхъ качествъ его характера онъ посвятилъ цѣлый рядъ статей“ [2]), которыя и перечисляются въ примѣчаніи, А. А. Спасскій считаетъ нужнымъ замѣтить въ этомъ же примѣчаніи: „Противъ идеализаціи Константина Великаго, конечно, можно много спорить“. Касаясь сочиненія А. П. Лебедева: „Эпоха гоненій на христіанъ“ А. А. Спасскій [3]) говоритъ: „Съ точки зрѣнія современной постановки вопроса можно предъявить къ нему нѣкоторыя возраженія: во 1-хъ противъ распорядка гоненій по эдиктамъ, при чемъ всѣхъ гоненій насчитывается ровно пять—хотя самъ авторъ замѣчаетъ, что точное число эдиктовъ осталось неизвѣстнымъ для нашего времени, и что христіане терпѣли преслѣдованія и въ царствованія наиболѣе благосклонныхъ къ нимъ императоровъ; во 2-хъ, противъ выдѣленія такъ наз. толерантныхъ указовъ отъ эдиктовъ, вызывавшихъ преслѣдованія, нарушающаго историческую послѣдовательность и связность“.

Начиная съ майской книжки Богословскаго Вѣстника за 1911-й годъ—по напечатаніи въ 1910 и началѣ 1911 года лекцій по новой гражданской исторіи — стали появляться статьи А. А. Спасскаго подъ заглавіемъ:

„Эллинизмъ и христіанство“ (Исторія литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ за раннѣйшій періодъ исторіи христіанской религіи)“, которымъ суждено было быть послѣднимъ и—къ сожалѣнію—неокон-

---

[1]) Богосл. Вѣстн. 1808 г. сентябрь стрр. 108—141; октябрь, стрр. 268—326; ноябрь, стрр. 456—486.

[2]) Стр. 140.

[3]) Стр. 141.

ченнымъ трудомъ А. А. Спасскаго по исторіи древней церкви. Задачу этой работы самъ А. А. Спасскій опредѣляетъ въ предисловіи къ ней [1])—такимъ образомъ: „Среди тѣхъ разнообразныхъ и многосложныхъ отношеній, въ какія вступила философія и религія эллинизма съ вновь народившимся религіознымъ теченіемъ, постепенно охватившимъ собою всю культурную Европу, одна сторона по важности вопроса и сравнительной полнотѣ свѣдѣній привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе. Мы разумѣемъ тѣ памятники религіозно-литературнаго характера, какими обмѣнялись представители эллинизма и христіанства за древнѣйшую эпоху христіанской исторіи и которые сохранились до нашего времени. Изученіе этихъ памятниковъ вскрываетъ предъ нами новую и полную захватывающаго интереса струю въ той сложной области, которая обыкновенно именуется понятіями христіанства и эллинизма, взятыми въ ихъ историческомъ взаимодѣйствіи. Отъ внѣшней поверхности жизни, отъ случайныхъ и хронологическихъ упорядоченныхъ фактовъ она вводитъ въ самую таинственную, но всецѣло опредѣляющую собою существо человѣка сферу—въ сферу религіозныхъ вопросовъ и загадокъ и рѣшаетъ кардинальный для того времени вопросъ: чья вѣра лучше и съ какой религіей человѣкъ становится ближе къ Богу?—Современная западная наука очень богата отдѣльными изслѣдованіями, этюдами, брошюрами и журнальными статьями, можно сказать, всесторонне исчерпывающими поставленную проблему. Но вся эта разнообразная и разноязычная литература занимается изученіемъ лишь отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ; сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на одномъ историческомъ проявленіи его, и въ этомъ отношеніи имѣетъ несомнѣнную цѣнность. Но полной и всеобъемлющей исторіи религіозно-полемической литературы между эллинизмомъ и христіанствомъ доселѣ еще не существуетъ, этимъ и объясняется предпринимаемыя здѣсь попытки дополнить существующій въ наукѣ недостатокъ. Сохранившіяся до насъ свѣдѣнія, имѣющія ближайшее отношеніе къ намѣченному вопросу, не представляютъ собою лишь рядъ хронологиче-

[1]) Бог. Вѣстн. 1911, май, стр. 162—164.

скихъ упорядоченныхъ фактовъ. Изображаемый въ нихъ въ полемическихъ отношеніяхъ кругъ философскихъ идей и религіозныхъ чувствованій—развивается въ историческомъ порядкѣ. Съ одной стороны и христіанство въ своемъ историческомъ осуществленіи раскрываетъ себя предъ эллинскимъ міромъ съ различныхъ сторонъ, сначала обращая на себя вниманіе его только внѣшними своими проявленіями, а затѣмъ по мѣрѣ своего распространенія среди культурнаго языческаго общества, все болѣе или болѣе обнаруживаетъ предъ нимъ свое внутреннее религіозное существо. Въ свою очередь и каждый эллинскій полемистъ обсуждаетъ христіанство съ точки зрѣнія своихъ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній, которыя то же не остаются на своемъ мѣстѣ, а подлежатъ тому же процессу развитія. Почерпая свой исходъ сначала въ рядѣ внѣшнихъ поверхностныхъ наблюденій, объекты полемики постепенно измѣняются и переходятъ къ важнѣйшимъ вопросамъ бытія и жизни. Воспроизвести этотъ послѣдовательно-историческій процессъ развитія литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ и составляетъ ближайшую задачу предлагаемаго здѣсь изслѣдованія".

Эту задачу А. А. Спасскій успѣлъ выполнить только на половину. Въ его напечатанныхъ статьяхъ (послѣдняя изъ нихъ появилась въ іюль-августовской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1913-й годъ), вышедшихъ потомъ и отдѣльной книгой, обслѣдованы только памятники литературной полемики между язычествомъ (эллинизмомъ) и христіанствомъ во II и III вв., именно: 1. „Октавій Минуція Феликса (гдѣ подъ язычникомъ Цециліемъ скрывается, по мнѣнію А. А. Спасскаго—философъ Фронтонъ). 2. Сочинекія Лукіана самосатскаго и 3. Апологія Оригена противъ Цельса. — Болѣзнь помѣшала А. А. Спасскому закончить эту интересную работу.—Помимо своихъ внутреннихъ достоинствъ и эта послѣдняя работа А. А. Спасскаго не уступаетъ другимъ его сочиненіямъ и съ внѣшней стороны: отличается хорошимъ литературнымъ изложеніемъ.

Научная дѣятельность А. А. Спасскаго не ограничивается одними его печатными трудами. Въ 1907/8 учебномъ году студентами Московской Духовной Академіи былъ выпущенъ—въ литографированномъ видѣ—съ согласія А. А. Спасскаго—

отдѣлъ его лекцій по исторіи гоненій. Эти лекціи отличаются такими достоинствами—и съ внутренней и съ внѣшей стороны,—что могли бы почти безъ всякихъ измѣненій появиться въ печати [1]). По исторіи гоненій въ русской литературѣ имѣются: книга А. П. Лебедева: „Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ великомъ", выдержавшая три изданія (1885, 1897 и 1904 гг.), и отдѣлъ по исторіи гоненій во II-мъ выпускѣ лекцій по исторіи древней церкви В. В. Болотова (Спб. 1910). А. А. Спасскій тоже пользовался въ своихъ лекціяхъ существовавшими тогда въ литографированномъ видѣ лекціями В. В. Болотова. Однако его лекціи нельзя признать излишними и подлѣ лекцій В. В. Болотова. Свойственный А. А. Спасскому научный тактъ не оставилъ его и здѣсь. А. А. Спасскій былъ очень высокаго мнѣнія о сочиненіи А. П. Лебедева: „Эпоха гоненій" [2]). Это однако не помѣшало ему, какъ упомянуто уже выше, отнестись къ нему критически и — представить исторію гоненій совсѣмъ въ иномъ и—въ существенномъ — несомнѣнно болѣе правильномъ видѣ, чѣмъ какъ изложена она у А. П. Лебедева.

А. П. Лебедевъ въ своей книгѣ начинаетъ исторію гоненій съ царствованія императора Траяна, отъ котораго сохранилось письмо къ Плинію младшему, имѣющее характеръ закона, прямо направленнаго противъ христіанъ. О гоненіяхъ при Неронѣ и Домитіанѣ А. П. Лебедевъ не говоритъ ни слова. Это объясняется тѣмъ, что А. П. Лебедевъ—вслѣдъ за другими учеными—придавалъ слишкомъ преувеличенное значеніе сохранившимся свѣдѣніямъ объ указахъ, издававшихся римскими императорами касательно христіанъ, какъ будто эти спеціальные законы и составляли единственную юридическую основу преслѣдованія христіанъ со стороны

---

[1]) Нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, изъ перваго ихъ отдѣла, гдѣ идетъ рѣчь о причинахъ гоненій на христіанъ, уже и внесены самимъ А. А. Спасскимъ въ его печатную работу: „Эллинизмъ и христіанство".

[2]) Богосл. Вѣстн. 1908 г. сентябрь, стр. 141. „По научнымъ достоинствамъ" сочиненіе: „Эпоха гоненій" „стоитъ на одномъ уровнѣ со всѣми имѣющимися на западѣ изслѣдованіями этой области и съ выводами его долженъ считаться всякій, желающій работать на одномъ съ нимъ историческомъ полѣ, а для русской церковно-исторической науки оно останется, повидимому, надолго незамѣненнымъ".

римскаго правительства. А такъ какъ свѣдѣнія о такихъ указахъ, изданныхъ противъ христіанъ, сохранились только относительно пяти царствованій: Траяна, Марка, Аврелія, Декія, Валеріана и Діоклетіана съ его соправителями то о гоненіяхъ на христіанъ только при этихъ 5 императорахъ и ведетъ рѣчь А. П. Лебедевъ, хотя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ гоненія на христіанъ несомнѣнно были и при другихъ императорахъ, не исключая даже и тѣхъ, которые какъ напр. Галліенъ, относились къ христіанамъ очень благосклонно. Отдѣльно ведетъ рѣчь А. П. Лебедевъ „о такъ называемыхъ толерантныхъ указахъ языческихъ императоровъ касательно христіанъ", которыхъ насчитываетъ тоже *пять*: указы Адріана, Антонина Пія, Септимія Севера, Галліена и Галерія. Но новѣйшими изслѣдованіями выяснено, что въ римскомъ законодательствѣ существовали основы для преслѣдованія христіанъ и помимо направленныхъ противъ нихъ спеціальныхъ законовъ. Эти спеціальные законы, начиная съ письма Траяна, только регулировали отношеніе римскаго правительства къ христіанамъ, а не были сами по себѣ причиною гоненій на нихъ. А. А. Спасскій [1]) пишетъ: „Какъ въ ученой литературѣ по исторіи гоненій, такъ и въ популярныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, очень часто можно встрѣтить такого рода взглядъ, что своимъ возникновеніемъ гоненія на христіанъ обязаны были тѣмъ отдѣльнымъ узаконеніямъ на счетъ христіанъ, какіе издавались императорами II-го и III-го вѣка и въ наукѣ извѣстна подъ именемъ эдиктовъ противъ христіанъ. Есть не малое число историковъ—особенно въ нѣмецкой церковно-исторической литературѣ,—которые самое начало гоненій пріурочиваютъ ко времени царствованія Траяна. Не смотря на свою распространенность этотъ взглядъ на гоненія не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣла и долженъ быть оставленъ, какъ совершенно ошибочный. Его недостатокъ состоитъ въ томъ, что судьбу христіанъ въ римской имперіи онъ ставитъ въ зависимость отъ фактора слишкомъ случайнаго и измѣнчиваго, отъ личныхъ симпатій или антипатій къ нимъ царствующихъ императоровъ. Исторія напротивъ свидѣтельствуетъ, что отношенія между христіанствомъ и государственною

[1]) Исторія гоненій, курсъ 1907/8 г. стр. 36—37.

властью за всю эту эпоху гоненій носили характеръ устойчивый и не подвергались существеннымъ колебаніямъ; отъ императора Клавдія до Константина в. на римскомъ тронѣ смѣнился цѣлый калейдоскопъ лицъ и характеровъ, и тѣмъ не менѣе христіане ни разу не могли выйти изъ положенія лицъ преслѣдуемыхъ и караемыхъ во имя закона. Факты христіанскаго мученичества тянутся чрезъ всѣ царствованія и наблюдаются даже въ правленіе такихъ императоровъ, какъ Гордіанъ или Филиппъ Аравитянинъ, о которыхъ говорили, что они были тайными христіанами. Отсюда слѣдуетъ, что и правовое положеніе христіанъ въ римской имперіи не зависѣло отъ личныхъ чувствованій и темперамента того или другого императора; оно должно было опредѣляться болѣе общими и твердыми принципами, чѣмъ отдѣльные императорскіе эдикты, сохранявшіе значеніе только на время жизни ихъ авторовъ и терявшіе силу съ наступленіемъ новаго царствованія. Такіе принципы дѣйствительно существовали, и они заключались въ правовомъ строѣ римской имперіи, поскольку онъ обусловливалъ собою религіозную жизнь ея гражданъ".

О причинахъ гоненій на христіанъ со стороны римскаго народа и правительства А. А. Спасскій говоритъ очень обстоятельно, а самую исторію гоненій излагаетъ въ связномъ видѣ, начиная ее со времени апостоловъ. Какъ на особенно хорошо написанные отдѣлы можно указать на изложеніе исторіи гоненій при Траянѣ и Маркѣ Авреліи.

Относительно рескрипта Траяна, въ отличіе отъ обычнаго о немъ мнѣнія, какъ о законѣ, направленномъ противъ христіанъ, узаконившемъ впервые ихъ преслѣдованіе, А. А. Спасскій — послѣ подробнаго разбора его—говоритъ [1]): „рескриптъ Траяна нужно прямо причислять къ толерантнымъ законамъ римскихъ императоровъ касательно христіанства, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы ослабить или задержать усиленіе противохристіанскихъ процессовъ" и напоминаетъ, что такъ же смотрѣли на него и древніе христіанскіе писатели: Мелитонъ, Тертулліанъ и Евсевій кесарійскій. Изъ перваго гонителя христіанъ Траянъ, одинъ изъ лучшихъ римскихъ государей, превращается, такимъ обра-

[1]) Стр. 178.

зомъ, въ ихъ покровителя. Дѣло въ томъ, что, узаконяя казнь христіанъ за самое исповѣданіе христіанства, за самое имя, рескриптъ Трояна, по А. А. Спасскому [1]), не вносилъ „ничего новаго въ сложившіяся ранѣе его и независимо отъ него отношенія христіанства къ государственной религіи". А запрещая анонимные доносы и разыскиваніе христіанъ (conquirendi non sunt) онъ былъ прямо благопріятенъ христіанамъ, такъ какъ уничтожалъ возможность преслѣдованія христіанъ на основаніи исключительныхъ законовъ: о сакрилегахъ (преступникахъ противъ религіи) и разбойникахъ. „Христіанство"—по этому рескрипту—„признано было преступленіемъ, влекущимъ за собою казнь, но не столь вреднымъ, чтобы его нужно было искоренять особыми мѣрами". Но для христіанъ было очень важно, что запрещено было ихъ разыскивать, такъ какъ по римскому закону для начала всякаго уголовнаго процесса требовался обвинитель, рисковавшій, въ случаѣ если обвиненіе окажется клеветою, подвергнуться и самъ безчестію или даже тому же наказанію, какое угрожало обвиняемому. Поэтому въ силу рескрипта Траяна число процессовъ противъ христіанъ должно было сократиться, и положеніе ихъ улучшилось.

Относительно Марка Аврелія А. А. Спасскій основательно оспариваетъ мнѣніе, будто онъ издалъ спеціальный законъ противъ христіанъ, которымъ предписывалось разыскивать ихъ,—мнѣніе, которое раздѣлялъ А. П. Лебедевъ и не особенно рѣшительно отклонялъ В. В. Болотовъ. Изложеніе исторіи гоненія при Маркѣ Авреліи у А. А. Спасскаго нужно признать вообще образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ начинаетъ съ характеристики Марка—императора-философа и указываетъ черту—не особенно лестную для Марка, но—объясняющую усиленіе при немъ гоненій на христіанъ: оказывается, что Маркъ Аврелій, безукоризненный, какъ нравственный характеръ, былъ однако не особенно хорошимъ, а довольно посредственнымъ, слабымъ правителемъ. „Маркъ"—по словамъ А. А. Спасскаго [2]) „не умѣлъ держать въ своихъ рукахъ бразды правленія настолько, чтобы его власть чувствовалась во всѣхъ частяхъ обширной имперіи.—Отча-

[1]) Стр. 177.
[2]) Стр. 210.

сти по свойственному ему равнодушію къ чужимъ порокамъ, отчасти вслѣдствіе отвращенія отъ всякихъ тревожащихъ душу хлопотъ и безпокойствъ, Маркъ плохо смотрѣлъ за тѣмъ, что творятъ въ провинціяхъ поставленные имъ президы. Онъ какъ будто совсѣмъ не замѣчалъ, что какой нибудь нищій, сегодня сдѣлавшись сановникомъ, завтра собиралъ себѣ огромныя богатства. Узы, связывавшія провинцію съ центромъ, ослабѣли, и областные правители, не задерживаемые сверху, начинали рѣшать дѣла, не справляясь съ мнѣніями императора, а иногда и вопреки прямому его приказанію, въ угоду толпѣ, или въ пользу собственныхъ интересовъ". Эта слабость Марка Аврелія, какъ правителя, а не особенная его ненависть къ христіанамъ, и была—по А. А. Спаскому—главною причиною ухудшенія при немъ положенія христіанъ. „Это ослабленіе вліянія центра на ходъ провинціальныхъ дѣлъ"—говоритъ А. А. Спасскій [1])—„нигдѣ не могло отразиться болѣе печально, какъ на фактическомъ положеніи христіанъ въ провинціяхъ. Гоненія на христіанъ за первые два съ половиною вѣка обязаны были [своимъ возникновеніемъ], главнымъ образомъ, народной ненависти, шли снизу, отъ языческой массы, требовавшей смерти безбожникамъ; центральное же правительство напротивъ стремилось сдерживать эти порывы народной ярости, обезопасить отъ нихъ христіанъ, — вообще взять процессъ противъ христіанъ въ свои руки, обставивъ его строгими рамками, соотвѣтствующими общимъ началамъ римскаго правосудія. Указы Траяна, Адріана и Антонина показываютъ, что политика римскаго правительства значительно склонялась на сторону христіанъ, и это хорошо понимали христіанскіе апологеты, обращавшіеся за помощію именно къ императорамъ и отъ нихъ ожидавшіе защиты христіанства. Отсюда, пока центръ высоко держалъ свое вліяніе на провинцію, христіане могли жить болѣе или менѣе спокойно, не смущаясь предъ криками и шумомъ черни; наоборотъ, когда давленіе сверху ослабѣвало, христіанамъ всегда угрожала опасность сдѣлаться жертвой народныхъ волненій при каждомъ случайномъ толчкѣ. Правленіе Марка Аврелія своимъ недостаточнымъ надзоромъ за дѣйствіями областныхъ президовъ открывало полную воз-

[1]) Стрр. 210—211.

можность явленіямъ второго рода, и они дѣйствительно имѣли мѣсто при этомъ императорѣ. При Маркѣ Аврелiи фактическое положеніе христіанъ въ имперіи несомнѣнно ухудшилось, и это ухудшеніе было вызвано именно тѣмъ перевѣсомъ, какой вновь получили при немъ крики толпы въ развитіи христіанскихъ процессовъ".

Указавъ, такимъ образомъ, главную причину усиленія гоненій на христіанъ при Маркѣ Аврелiи, А. А. Спасскій ставитъ [1]) два вопроса: 1) были ли преслѣдованія христіанъ при Маркѣ явленіемъ повсемѣстнымъ и болѣе или менѣе продолжительнымъ? 2) не сопровождались ли они какими-либо неблагопріятными перемѣнами въ юридическомъ положеніи христіанъ въ имперіи, какими-либо новыми законодательными актами на ихъ счетъ?—и на оба эти вопроса отвѣчаетъ отрицательно.

По сохранившимся въ церковной исторіи Евсевія документамъ: отрывку изъ апологіи Мелитона сардскаго и посланію галльскихъ церквей къ малоазійскимъ, христіане подвергались гоненію при Маркѣ Аврелiи только въ Малой Азіи и въ Галліи [2]). „Возстанія черни", вызвавшія это гоненіе, начались, по Евсевію, въ 17-мъ году царствованія Марка и закончились еще при самомъ Маркѣ.

На второй вопросъ А. А. Спасскій даетъ отвѣтъ, основанный на тщательной критикѣ самыхъ документовъ, сообщающихъ намъ свѣдѣнія о гоненіи при Маркѣ. Мелитонъ, епископъ сардскій, въ своей апологіи, поданной Марку Аврелію, говоритъ дѣйствительно: „Нынѣ, чего никогда еще не бывало, подвергаются гоненію и преслѣдуются новыми указами по Азіи родъ людей богобоязненныхъ. Безстыдные доносчики и искатели чужого, находя себѣ поводъ въ указахъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ жителей ни въ чемъ неповинныхъ. Если это дѣлается по твоему повелѣнію,— пусть дѣлается такъ; если же это опредѣленіе и новый указъ вышли не отъ тебя, то мы просимъ не презрѣть насъ среди столь явнаго грабительства" [3]).

Изъ этихъ словъ Мелитона многіе ученые и дѣлали вы-

---

[1]) Стр. 212.

[2]) И въ Римѣ, гдѣ пострадалъ св. Іустинъ философъ.

[3]) Евсев. Церк. Ист. IV, 26, 5—6.

водъ, что Маркъ Аврелій издалъ новый указъ или указы противъ христіанъ, которыми предписывалось—вопреки ранѣйшему указу Траяна — разыскивать христіанъ. Подтвержденіе этому находили и въ сообщеніи посланія галльскихъ церквей къ малоазійскимъ о гоненіи на христіанъ въ Галліи. Но А. А. Спасскій [1]) указываетъ, что въ подлинномъ текстѣ приведенныхъ словъ Мелитона рѣчь идетъ не объ однихъ и тѣхъ же указахъ. Въ первомъ упоминаніе объ указахъ („преслѣдуются новыми указами“) въ подлинникѣ стоитъ *καινοῖς δόγμασι*, а во второмъ („находя себѣ поводъ въ указахъ“)—*διατάγμασι*. Но *δόγμα* и *διάταγμα*, говоритъ А. А. Спасскій, не одно и тоже. *Δόγμα*—это законъ, изданный самимъ императоромъ; *διάταγμα* — распоряженіе мѣстнаго правительства. Значитъ, Маркъ Аврелій дѣйствительно издалъ какой-то законъ, неблагопріятный христіанамъ; но самое гоненіе на христіанъ въ Малой Азіи производилось по распоряженію мѣстнаго правительства. Именно *διάταγμα* этого правительства подало поводъ къ разбойничанью и явному грабительству, а не *δόγμα* самого императора [2]).

Изъ словъ Мелитона во всякомъ случаѣ ясно, что содер-

---

[1]) Стр. 215.

[2]) Противъ этого различенія между *δόγμα* и *διάταγμα* можно, пожалуй спорить. Въ подлинникѣ слова Мелитона читаются такъ (*Schwartz*, S. 384): «*τὸ γὰρ οὐδέποτε γενόμενον, νῦν διώκεται τὸ τῶν θεοσεβῶν γένος καινοῖς ἐλαυνόμενον δόγμασιν κατὰ τὴν Ασίαν. οἱ γὰρ ἀναιδεῖς συκοφάνται καὶ τῶν ἀλλοτρίων ἐρασταὶ τὴν ἐκ τῶν διαταγμάτων ἔχοντες ἀφορμήν, φανερῶς λῃστεύονται νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν διαρπάζοντες τοὺς μηδὲν ἀδικοῦντας*» καὶ μεθ' ἕτερά φησιν [Мелитонъ] «*καὶ εἰ μὲν σου κελεύσαντος τοῦτο πράττεται, ἔστω καλῶς γινόμενον.—εἰ δὲ καὶ παρὰ σοῦ μὴ εἴη ἡ βουλὴ αὕτη καὶ τὸ καινὸν τοῦτο διάταγμα—πολὺ μᾶλλον δεόμεθά σου μὴ περιδεῖν ἡμᾶς ἐν τοιαύτῃ δημώδει λεηλασίᾳ*». Не видно, чтобы самъ Мелитонъ строго различалъ между *καινὰ δόγματα* съ одной стороны и *τὰ διατάγματα* и *καινὸν τοῦτο διάταγμα* съ другой. То обстоятельство, что опредѣленія: „новое“ „новый“ (*καινοῖς, καινὸν*) прилагаются въ первый разъ къ *δόγματα*, а въ 3-й разъ къ *διάταγμα*, говоритъ, повидимому, за то, что Мелитонъ употребляетъ эти выраженія, какъ синонимы. А если А. А. Спасскій указываетъ далѣе на то, что „и самъ Мелитонъ“ [въ концѣ приведеннаго мѣста, гдѣ встрѣчается во 2-й разъ слова *διάταγμα*] „сомнѣвается, чтобы возникшее по поводу указа гоненіе на малоазійскихъ христіанъ было согласно съ намѣреніями самого законодателя“, то это говоритъ только о томъ, что Мелитону дѣйствительно были извѣстны только *δόγματα* или *διατάγματα* мѣстнаго правительства, и онъ не зналъ, въ какой мѣрѣ эти распоряженія нужно было отнести на счетъ самого императора, а не о томъ, что онъ различалъ *δόγμα* отъ *διάταγμα*.

жаніе императорскаго указа ему точно не было извѣстно (онъ сомнѣвается, что распоряженіе о преслѣдованіи христіанъ было издано самимъ императоромъ), и возстановлять его содержаніе на основаніи словъ Мелитона едва ли, поэтому, возможно. Но оказывается (на это впервые указалъ Нейманнъ), что до насъ дошелъ — по содержанію — тотъ самый законъ, который подалъ поводъ къ гоненію при Маркѣ Аврелiи. Но въ немъ ничего не говорится прямо о христіанахъ.

Въ составленныхъ при Юстиніанѣ „дигестахъ“ этотъ законъ передается такъ: „Божественный Маркъ приказалъ ссылать на острова всякаго, кто чрезъ суевѣрные обычаи будетъ приводить въ смятеніе слабыя души людей [1]).

Римскій юристъ Павелъ формулируетъ этотъ законъ такъ: „Если кто вводитъ новыя секты или религіи, смущающія души людей, то виновные въ этомъ изъ высшаго сословія изгоняются, а низшія наказываются смертію“ [2]). Указъ этотъ не имѣлъ въ виду христіанъ, но могъ быть примѣненъ къ христіанамъ мѣстными правителями, что̀ и случилось въ Малой Азіи и въ Галліи.

Но собственно въ Галліи [3]) гоненіе на христіанъ началось помимо воли Марка Аврелія и даже галльскаго проконсула, котораго при началѣ гоненія даже не было въ Ліонѣ (тогдашнемъ Лугудунѣ). Виновницею гоненія была языческая чернь. А дальнѣйшій ходъ гоненія прямо показываетъ, что никакихъ новыхъ указовъ противъ христіанъ Маркъ Аврелій не издавалъ, и что при немъ оставался въ силѣ законъ Траяна. Проконсулъ Галліи сначала дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію и не рѣшался отпустить даже отступниковъ отъ христіанства; потомъ, когда въ числѣ задержанныхъ христіанъ встрѣтились римскіе граждане, обратился за разъясненіемъ, какъ поступить съ ними къ императору. Маркъ Аврелій отвѣтилъ ему совершенно въ духѣ Траяна: исповѣдавшихъ

---

[1]) Modestinus, Dig. 48, 19, 30 (l, c. ap. *K. J. Neumann*, Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian. I. B. Lpz. 1890, S. 29, Anm. 1): si quis aliquid fecerit, quo leves hominum animi supestitione numinis terrentur, divus Marcus hiusmodi homines in insulam relegari resripsit.

[2]) Paulus, sententt. 5,21, 2 (l. c. тамъ же) qui novas sectas vel ratione incognitas inducunt, quibus animi hominum moveantur, honestiores deportantur, humiliores capite puniuntur.

[3]) О немъ А. А. Спасскій говоритъ подробно на стрр. 218—228.

себя христіанами нужно казнить, отступниковъ отъ вѣры — освободить.

„Ліонское гоненіе“ — говоритъ А. А. Спасскій [1]) — „было бурей, возникшей изъ мѣстныхъ условій и служебныхъ обстоятельствъ, независимо отъ воли Марка и вопреки его намѣреніямъ. Какъ показываетъ его рескриптъ Ліонскому правителю, самъ Маркъ прямо склонялся на сторону соблюденія прежняго, до него установленнаго, законодательства о христіанахъ и не хотѣлъ подвергать его измѣненіямъ, неблагопріятнымъ для христіанства. Лично не долюбливавшій христіанъ, онъ умѣлъ отдѣлять свои личныя воззрѣнія отъ правительственныхъ дѣйствій и стремился поступать съ христіанами по примѣру своихъ предшественниковъ, въ духѣ гуманной и справедливой эпохи. Отсюда слѣдуетъ, что М. Аврелій совершенно незаконно причисляется къ наиболѣе суровымъ врагамъ христіанства; гоненіе при немъ христіане испытывали въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ его имперіи, но самъ онъ не былъ гонителемъ христіанства“.

Помимо своихъ внутреннихъ, чисто-научныхъ, достоинствъ, сочиненія А. А. Спасскаго отличаются и съ внѣшней стороны: прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Ихъ можно читать съ увлеченіемъ, не чувствуя особаго утомленія. Съ этой стороны А. А. Спасскій занимаетъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими богословами. Изъ историковъ древней церкви В. В. Болотовъ стоитъ выше А. А. Спасскаго и какъ стилистъ. Но А. А. Спасскій несомнѣнно превосходилъ въ этомъ отношеніи своего учителя А. П. Лебедева—тоже хорошаго стилиста—и всѣхъ другихъ спеціалистовъ по древней церковной исторіи. Изъ числа представителей другихъ отраслей богословскихъ наукъ можно назвать нѣсколько именъ, которыя могутъ быть въ этомъ отношеніи поставлены рядомъ съ А. А. Спасскимъ, но не легко указать такого автора, который бы стоялъ тутъ безспорно выше его. Даръ хорошаго литературнаго изложенія проявленъ былъ имъ еще въ его студенческихъ работахъ, появившихся потомъ и въ печати, и чувствуется во всѣхъ его трудахъ, не исключая и самыхъ послѣднихъ, написан-

---

[1]) Стр. 228.

ныхъ уже въ болѣзненномъ состояніи. Разумѣется, даже и въ самыхъ замѣчательныхъ трудахъ А. А. Спасскаго не всѣ отдѣлы написаны одинаково блестяще. Мѣстами, особенно въ „Исторіи догматическихъ движеній“, замѣчается у него нѣкоторая растянутость изложенія. Но это качество свойственно (и обыкновенно въ несравненно большей степени, чѣмъ А. А. Спасскому) большинству русскихъ историковъ и богослововъ. Въ послѣднее время, особенно у авторовъ магистерскихъ и докторскихъ сочиненій, вошло въ обычай какъ бы щеголять другъ предъ другомъ не внутренними достоинствами сочиненій, не новыми научными выводами или цѣнными обобщеніями, а просто объемомъ книги, количествомъ печатныхъ страницъ. Только ученые, прошедшіе школу В. В. Болотова, который въ своихъ сочиненіяхъ слѣдовалъ индійской пословицѣ: „мудраго, возможность сократить свои писанія только на полслога радуетъ больше, чѣмъ рожденіе сына“, свободны отъ этого недостатка, вдаются иногда даже въ противоположную крайность. Учитель А. А. Спасскаго А. П. Лебедевъ не былъ самъ любителемъ многоглаголанія, зналъ чувства мѣры, но писалъ много и относился съ уваженіемъ къ большимъ по объему книгамъ. Подъ его руководствомъ А. А. Спасскій, поэтому, не могъ пріучить себя къ слишкомъ сжатому изложенію, тѣмъ болѣе, что и онъ, какъ А. П. Лебедевъ, стремился не только къ точности, но и къ общедоступности изложенія. При томъ же нѣкоторыя изъ его богословскихъ сочиненій, какъ „Исторія догматическихъ движеній“, „Эллинизмъ и христіанство“, представляетъ собою обработку для печати его лекцій. Въ лекціяхъ же, предназначенныхъ для слушателей, такая же краткость изложенія, которая составляетъ несомнѣнное достоинство произведеній, предназначенныхъ прямо для печати, и невозможна и нежелательна. Однако, А. А. Спасскій несомнѣнно стремился освободиться отъ свойственнаго вообще русскимъ недостатка — многословія, и въ большинствѣ случаевъ это ему и удавалось. Въ одномъ изъ своихъ отзывовъ А. А. Спасскій прямо указываетъ на излишнюю подробность изложенія, какъ на недостатокъ, на который, какъ свойственный вообще русскимъ церковно-историческимъ сочиненіямъ, обратилъ вниманіе знаменитый профессоръ Гарнаккъ. И если и самому А. А. Спасскому не удается иногда избавиться отъ

этого недостатка, то онъ замѣчается у него далеко не въ той мѣрѣ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. Изложеніе А. А. Спасскаго даже и тамъ, гдѣ оно оказывается нѣсколько болѣе подробнымъ, чѣмъ бы слѣдовало, не утомляетъ читателя, не вызываетъ чувства досады за лишнюю трату времени.

Серьезнѣе другой внѣшній недостатокъ сочиненій А. А. Спасскаго. Подобно своему учителю А. П. Лебедеву и многимъ другимъ русскимъ авторамъ сочиненій по древней церковной исторіи, А. А. Спасскій очень скупъ на выписки изъ первоисточниковъ на языкѣ подлинниковъ, и въ большинствѣ случаевъ ограничивается однѣми цитатами или приводитъ слова первоисточниковъ въ русскомъ переводѣ. Даже въ такомъ спеціальномъ изслѣдованіи А. А. Спасскаго, какъ его „Историческая судьба сочиненій Аполлинарія лаодикійскаго“, гдѣ имѣетъ важное значеніе самый слогъ изслѣдуемыхъ произведеній, выписокъ изъ первоисточниковъ на греческомъ и латинскомъ языковъ очень немного, и русскій текстъ рѣшительно преобладаетъ надъ иностраннымъ. И эта спеціальная и очень цѣнная работа имѣетъ по наружности видъ скорѣе популярной книги, чѣмъ строго научнаго изслѣдованія. Поэтому изучать труды А. А. Спасскаго (а не просто читать ихъ, относясь съ безусловнымъ довѣріемъ къ ихъ автору) можно только, вооружившись цѣлой библіотекой. А это возможно у насъ только для очень немногихъ. Но, какъ уже отмѣчено, и этотъ недостатокъ не составляетъ особенности трудовъ А. А. Спасскаго: онъ унаслѣдованъ имъ отъ его учителя А. П. Лебедева и составляетъ особенность большинства русскихъ книгъ по церковной исторіи, да многихъ и иностранныхъ. Свое оправданіе такой обычай, противъ котораго вооружался В. В. Болотовъ, но который защищалъ (не всегда удачно) А. П. Лебедевъ, можетъ находить въ томъ, что наши духовныя семинаріи не даютъ—за рѣдкими исключеніями—даже лучшимъ воспитанникамъ дѣйствительнаго знанія классическихъ языковъ, и лица дѣйствительно ими владѣющія составляютъ у насъ большую рѣдкость.

Но если А. А. Спасскій и не любилъ испещрять свои сочиненія длинными выписками изъ первоисточниковъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, если онъ не пренебрегалъ иногда ссылками на русскіе переводы твореній свв.

отцовъ и другихъ древне-христіанскихъ писателей, то это не значитъ еще, что онъ и себя избавлялъ отъ необходимости во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ непремѣнно справляться съ подлиннымъ текстомъ того мѣста, на которое ссылается. Долговременный опытъ привелъ и его къ тому убѣжденію, что на существующіе русскіе переводы твореній свв. отцовъ и учителей Церкви, церковныхъ историковъ и дѣяній вселенскихъ соборовъ совершенно нельзя полагаться, и необходимо всегда обращаться къ подлиннику. Вотъ почему въ его докторской диссертаціи почти совершенно отсутствуютъ ссылки на русскіе переводы, что удивило А. П. Лебедева и вызвало съ его стороны „незаслуженный упрекъ“ А. А. Спасскому, который и далъ на него основательный отвѣтъ [1]).

Учитель и предшественникъ по каѳедрѣ А. А. Спасскаго профессоръ А. П. Лебедевъ — помимо своихъ многочисленныхъ церковно-историческихъ сочиненій—извѣстенъ и какъ прекрасный руководитель молодыхъ ученыхъ въ работахъ по церковной исторіи: подъ его руководствомъ—за 25 лѣтъ его профессорства въ Московской Духовной Академіи — написаны, по его подсчету [2]), 13 магистерскихъ диссертацій. В. В. Болотовъ—за 20 лѣтъ профессорства—не успѣлъ провести такого количества магистровъ — но тоже извѣстенъ, какъ опытный руководитель.. Нѣкоторыя изъ написанныхъ подъ его руководствомъ магистерскихъ диссертацій имѣютъ высокое научное значеніе. А. А. Спасскій въ этомъ отношеніи несомнѣнно уступаетъ и А. П. Лебедеву и В. В. Болотову. Сочиненій на степень кандидата богословія подъ его руководствомъ написано не мало; и это доказываетъ, что онъ стремился быть продолжателемъ дѣла своего учителя и какъ руководитель въ занятіяхъ. Но только одинъ изъ писавшихъ ему кандидатскія сочиненія, получилъ подъ его же руководствомъ и степень магистра, это— И. Троицкій, авторъ упомянутаго уже сочиненія: „Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества“ (Сергіевъ Посадъ 1907). Но на заданныя А. А. Спасскимъ темы и отчасти подъ его руководствомъ написаны сочиненія:

---

[1]) Въ ноябрьской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1907-й годъ, стрр. 623—6.

[2]) Богосл. Вѣстн. 1907 г., Іюнь, стр. 420.

Ѳ. М. Россейкина, Первое правленіе Фотія патріарха Константинопольскаго; священника *В. Соколова*, Леонтій византійскій, удостоенное степени магистра Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи, и недавно защищенное въ нашей Академіи сочиненіе *Н. Чернявскаго*, Императоръ Ѳеодосій Великій и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи (Сергіевъ Посадъ, 1913). Этого не много для 15—20 лѣтъ профессорства. Но во всякомъ случаѣ и эти четыре работы, значительныя и по объему, свидѣтельствующія о рѣдкомъ трудолюбіи ихъ авторовъ, говорятъ за то, что А. А. Спасскій и хотѣлъ и могъ съ честью продолжать дѣло своего учителя не только къ обогащенію русской церковно-исторической литературы новыми полезными трудами, но и въ подготовкѣ новыхъ работниковъ на полѣ исторіи древней церкви. И если его дѣятельность въ этомъ послѣднемъ отношеніи не была такъ успѣшна, какъ дѣятельность его учителя А. П. Лебедева, то помимо рано постигшей его болѣзни, тутъ имѣли вліяніе и нѣкоторыя постороннія, независящія отъ него, причины и чисто случайныя обстоятельства: кандидаты, писавшіе сочиненія на темы, данныя А. А. Спасскимъ или не могли, или просто не хотѣли перерабатывать ихъ на степень магистра.

Въ лицѣ А. А. Спасскаго сошелъ со сцены дѣятель церковно-исторической науки высоко-талантливый, обладавшій солидной подготовкой, способный не только съ честію продолжать дѣло своего учителя А. П. Лебедева, но и идти дальше его, разрабатывать вопросы исторіи церкви съ бо́льшею самостоятельностію, съ меньшею зависимостію изъ иностранныхъ авторитетовъ, чѣмъ дѣлалъ это А. П. Лебедевъ. Постигшая въ лицѣ его нашу церковно-историческую науку утрата тѣмъ болѣе тягостна, что, хотя теперь наша литература и не такъ бѣдна сочиненіями по церковной исторіи, какъ 20—30 лѣтъ тому назадъ; но немного и теперь находится лицъ, способныхъ всецѣло посвятить себя изученію исторіи церкви, и именно церкви древней, гдѣ при обиліи иностранной литературы, для серьезнаго движенія впередъ требуется не только простое трудолюбіе, но и талантъ. — Не все въ сочиненіяхъ А. А. Спасскаго имѣетъ непреходящее научное значеніе. Но его имя займетъ навсегда почетное мѣсто на страницахъ исторіи русской богословской науки,

не только изъ-за его открытія относительно Дидима, но и какъ достойнаго преемника А. П. Лебедева и продолжателя его трудовъ по разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи церкви и популяризаціи церковно-историческихъ знаній.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ